

Вокзал — вокальный зал ожидания имени Вокса

Васильев К.Б., СПб, Из-во «Авалон»

Аннотация: Автор высказывает своё несогласие с объяснениями, которые даются в современных этимологических словарях, краеведческих и филологических статьях по поводу слова «вокзал». Он возражает против утверждения, что Павловский вокзал был одновременно увеселительным заведением и железнодорожной станцией, и не соглашается с версией о заимствовании вокзала из французского *facshall*. Для доказательства своей точки зрения автор приводит сведения из публикаций Н.М. Карамзина, Самуэля Пипса, Вольтера, барона Билфелда и Я.К. Грота, оживляя очерк цитатами из Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Vauxhall, Павловск, Джейн Вокс, гульбище, фоксал, Тиволи, Waux-Hall, *facshall*, господин Дево, барон Билфелд, путевой двор.

Король вальса на вокзале

Русское вокзал происходит от английского Vauxhall... И что? Мне скажут: это всем известно, об этом написано тысячу раз, зачем пережёвывать одну и ту же историю. Я так и думал, что всем известно, и не стал бы заводить разговор на многократно пережёванную тему. Лично я как раз не вижу смысла писать статьи, заметки, очерки и рефераты, когда ты не имеешь добавить к уже известному что-то новое.

Недавно, наткнувшись на публикацию о Царскосельской железной дороге, я прочитал о том, что за дирижёрским пультом на Павловском вокзале стояли многие выдающиеся музыканты, например А. К. Глазунов, Р. М. Глиэр, а среди первых там играл Иоганн Штраус, король вальса. Меня озадачила грамматика: почему Штраус и другие знаменитости играли на вокзале, тогда как они выступали в воксале. Меня удивили также сообщения о некой англичанке Джейн Вокс, которая владела загородным парком близ Лондона... В качестве примера приведу дословно несколько строк из большого материала об истории российских железных дорог: «Пассажиры, пребывая в Павловск, шли в Павловский воксхолл, вокзал, что означает зал госпожи Вокс по-английски, от которого это слово произошло. Госпожа Вокс в 1661 году открыла близ Лондона увеселительный парк, в котором помимо музыкальных концертов давались также театральные представления. Этот парк и получил название Воксхолл. Русские несколько переиначили слово Воксхолл под слово воксзал».

Простите, кто от кого или что от чего произошло и переиначилось?

Сразу хочу заметить, что госпожа Вокс, если она вообще существовала, в 1661 году ничего не открывала и не могла открыть. Владельцем известного пригородного увеселительного парка была иная личность, и парк в указанное время имел название не Воксхолл, а Спринг-гарден.

Вот так уже не в первый раз: есть нечто, известное, как говорится, по умолчанию, всем и каждому, но если не молчать, а заговорить, оказывается, что общеизвестное не все понимают и объясняют одинаково. Я не подозревал, что по поводу вокзала из уст в уста передаётся это нелепое этимологическое толкование: вокзал значит зал Вокс. Почему? Именно потому, что название увеселительного парка

Воксхол близ Лондона якобы идёт от имени владелицы, Джейн Вокс, а холл по-английски — зал, так что и получается зал имени (Джейн) Вокс.

Если мы обсуждаем железные дороги или пишем о красотах Павловска, нужно ли углубляться дотошно в происхождение одного заимствованного иностранного слова? Кто выкопал эту англичанку, про которую никогда не слышало большинство английских краеведов и лингвистов? Для чего у нас стали в английском Vauxhall вычленять Vaux и hall, и для чего какой-то умник начал раскладывать вокзал на вок и зал? Лучше бы нам объяснили внятно и обоснованно, каким образом название английского увеселительного парка стало у нас обозначать помещение для железнодорожных служб и пассажиров.

Я был уверен, что вокзал в Павловске был только увеселительным заведением — гульбищем, как раньше говорили, или, если хотите, развлекательным комплексом, как говорят сейчас. А поезда Царскосельской железной дороги приходили в Павловск к железнодорожной станции, которая так и называлась — станция. Но большинство, как я теперь вижу, полагает, что Иоганн Штраус, король вальса, играл именно на вокзале — видимо, в зале ожидания в двух шагах от билетной кассы, развлекая пассажиров, которые, слушая вполуха, посматривали то и дело на часы, дабы не пропустить свой поезд. Когда поезд приходил, означенные пассажиры, подхватив свои баулы, сумки и корзинки, свои ридикюли, несессеры и саквояжи, торопились на перрон, оставив Штрауса или какого другого исполнителя музицировать для пустых скамеек. Просмотрев изрядное количество современных публикаций, я убедился: да, авторы статей, очерков и рефератов прямо указывают или подразумевают, что Павловский вокзал был одновременно железнодорожной станцией и увеселительным заведением.

Любопытно, что вопрос о происхождении русского «вокзал» довольно живо обсуждается и в англоязычной среде: якобы царь Николай I во время своей поездки в Англию в 1844 году побывал на железнодорожной станции Воксхол и принял её название Vauxhall, имя собственное, за имя нарицательное — станция. И что? — подумал я, читая эту галиматью. А то: император лично перенёс слово Воксал в русский язык для обозначения железнодорожных станций, и потом упомянутого Штрауса, короля вальса, часто приглашали выступать на русских вокзалах: «The Waltz king Johann Strauss gave frequent guest concerts at the Russian railway stations».

Конечно, если все теперь грамотные, им не запретишь писать на любую тему. Конечно, большинство пишущих просто передают дальше то, что они где-то прочитали или услышали. Кто-то при пересказе вносит отсебятину — ну, если хотите, назовём это своей лептой. Но из каких первоисточников идут домыслы?

Изложу коротко свою версию, а она и есть короткая: да, вокзал идёт от Vauxhall. Ещё до постройки Царскосельской железной дороги воксал и воксал использовались у нас только в значении увеселительное заведение или увеселение, гульбище. Павловский музыкальный зал был не первым, не единственным, а одним из русских увеселительных воксалов. Он отнюдь не был железнодорожной станцией. Его задумали для привлечения петербургских жителей, чтобы те ездили в Павловск, и первая наша железная дорога окупалась. И для удобства публики его построили рядом с конечной остановкой Царскосельской дороги. Поезда приходили к вокзалу, отправлялись от воксала, точно так, как сейчас некоторые автобусы отправляются от какой-либо станции метро, другие от пристани, третьи от рынка или от торгово-развлекательного комплекса, от чего угодно. В Павловске слово воксал стали со временем, но далеко не сразу, использовать применительно к железнодорожной станции. Позже воксалами называли станционные строения на всех русских железных дорогах. Произносить стали звонко — вокзал вместо воксал — под влиянием слова зал, которое раньше пришло в русский язык и закрепилось в нём.

Но нам рассказывают настойчиво про вокс и про холл, и про какую-то госпожу Вокс, вскользь или со знаком вопроса упоминаемую лишь некоторыми из тех английских краеведов, кто изучал историю лондонского района Ламбет.

Вообще, люди быстро схватывают, запоминают и передают другим не значимые исторические факты, и не обоснованные суждения, а разного рода слухи, полуисторические анекдоты, люди клюют на разные сенсационные находки, после чего тут же предлагается переписать историю... В связи с вокзалом я прочитал красочную байку про полумифическую Джейн Вокс с её увеселительным парком в первой же десятке найденных публикаций, включая этимологические словари. Но только один раз мне встретилось полезное уточнение, что в Павловском воксале играли и Штраус-отец, и Штраус-сын: первый приезжал в Россию и выступал в Павловске сразу после открытия Павловского музыкального воксала, а его сын, тоже Иоганн, управлял Павловским оркестром в 1856–1864 годах. Когда очередной краевед в своей статье поминает короля вальса, он кого имеет в виду - Штрауса-старшего или Штрауса-младшего?

Мы встречаем в современных статьях добросовестные ссылки на дореволюционные публикации — газетные, журнальные и книжные. Полезно не только ссылаться, но и присматриваться к грамматике оных источников, где писали, что Штраус и другие играли не на вокзале, а в воксале. Приглашая петербуржцев в Павловск, правление железной дороги заманивало их увеселениями в воксале, состоящими из оркестра музыки, иллюминаций и фейерверков. А кроме грамматики хорошо бы и в смысл вникать. Возьмём небольшой отрывок из книги, выпущенной в 1877 году к столетию Павловска: «На зимний сезон с 1838 на 1839 год правление общества пригласило для концертов в Павловском воксале знаменитого Лабицкого, но уже 16-го января 1839 года его концерты прекратились и правление общества решило, раз навсегда, открывать воксал для гульбища только от весеннего до осеннего времени».

Что вытекает из сего сообщения? На зимние концерты в воксале не набиралось достаточно зрителей. Концерты не окупались. Воксал решили в зимнее время вообще не открывать. По принятой ныне версии, воксал был и концертным залом и железнодорожным. Если в это поверить, получается, что в связи с закрытием воксала до весеннего времени поезда из Петербурга в Павловск переставали ходить!

К первоисточникам с их сведениями и с их грамматикой нужно обращаться, а не к статейкам современных борзописцев, которые плодят несуразицы, добавляя к заимствованным выдумкам свои домыслы. Одни полистают современный бойкий путеводитель по Павловску с подборкой местных исторических анекдотов, другие посмотрят статейку в глянцево-журнальчике на тему как ели, пили и развлекались в старину... А по поводу поголовного умения читать и писать, по поводу того, что все без образования, вспоминается высказывание Н.В. Гоголя: «кто читал Карамзина, кто Московские ведомости, кто даже и совсем ничего не читал»...

Я обрушился на борзописцев и на ложную образованность, почувствовав себя дельфийским оракулом, изрекающим непреложные истины, и вдруг меня огорошили. По библиографическим ссылкам я вышел на Большую советскую энциклопедию. Как будто некто, задетый моей иронией, подсунул мне, вместо очередного путеводителя или газетёнки, этот солидный первоисточник, где чёрным по белому написано: «Вокзал в городе Павловске под Петербургом служил одновременно и пассажирским зданием и залом, в котором устраивались концерты».

Вот такой мне ушат холодной воды — в момент вдохновенного витийства с опорой на грамматику и здравый смысл, с привлечением старых публикаций и гоголевских афоризмов. После такого ушата ты, огорошенный, оказываешься в глупом

положении. Будучи прихлопнутым Большой советской энциклопедией ты уже и не знаешь, стоит ли продолжать...

Но всё-таки продолжим. Если кто-нибудь из публики или из оппонентов останавливает докладчика ядовитым вопросом или перебивает резким опровержением, для него, исследователя в гуманитарной области с её нечёткими границами и вечно спорным содержанием, от этого только польза. Докладчику следует задуматься и перепроверить свои сведения, утвердиться в обоснованности своих доводов или же пересмотреть их.

По Н.В. Гоголю, каждому докладчику и любому, кто обращается устно или письменно к слушателям и читателям, будет польза не только от едких вопросов и ядовитых замечаний - ему, столь уверенному в своих познаниях, не повредит и публичная оплеуха: «О, как бывает нам нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!»

Правда, не на всех действует одинаково ушат холодной воды или даже пощёчина. Как мы наблюдаем, многие докладчики по гуманитарным вопросам утираются и продолжают дальше молоть свою галиматью и нести свою околесицу.

Историческая наука вкупе с наукой этимологией

В одном исследовании, уж точно краеведческом, потому что велась речь об окрестностях Петербурга, и отчасти этимологическом в связи с Павловским вокзалом, я прочитал: «Вокзал — производное от английского *vogs hall*, что переводится как музыкальный зал. Благодаря популярности Павловского вокзала, слово быстро вошло в обиход и стало употребляться по отношению ко всем аналогичным местам».

Под аналогичными местами, видимо, нужно понимать железнодорожные станции. Или музыкальные залы? Их, по примеру Павловска, стали называть музыкальными залами. Или железнодорожными станциями? Или я придираюсь? Но *vogs hall* с переводом музыкальный зал — каково, просто краеведческо-филологический перл!

Я не буду, конечно, переносить в свой очерк все байки, которые передаются по поводу вокзала по электронным сетям из уст в уста или перепечатываются из одних средств массовой информации в другие. Нам желательно докопаться до корней, добраться до серьёзного лингвистического исследования, а не перебирать мелкие плоды исторической науки... Хотя история — какая она наука? История — искусство, которое у древних греков стояло в одном ряду с литературой, поэзией, музыкой и танцами.

Обратимся к разысканиям именно этимологическим. Если меня спросят по ходу дела, после моего заявления насчёт истории, считаю ли я наукой этимологию, я отвечу, что этимология тоже не наука. Филателисты собирают марки, другие увлекается нумизматикой, иным любопытно проследить, откуда пошло какое слово. Правда, в отличие от филателистов, нумизматов, филокартистов, тратящих свои деньги на свои увлечения, кое-кто всю жизнь получает государственные деньги за свои пусть и увлекательные, но практической пользы не имеющие этимологические занятия.

Есть ещё филуменисты. По идее, по аналогии с филологами и филокартистами, они должны быть филуменистами. Хотя, нет, их всё-таки следует именовать филлуменистами... Впрочем, не будем отвлекаться. Возвращаясь к заданной теме, я открыл один из современных этимологических словарей и прочитал статью «Вокзал»: «Французское — *facshall*. Английское — *Vauxhall* (зал имени Вокса)...»

Мы уже слышали про Джейн Вокс, про увеселительный парк её имени, а здесь пишут, если я не ошибаюсь, в мужском роде: зал имени Вокса. Дочитаем, однако, до конца эту этимологию: «Слово вокзал, означающее здание для обслуживания

пассажиров на железнодорожной станции, заимствовано из английского языка через французский в 19-м веке. Согласно одной из версий, слово было заимствовано напрямую из английского языка, где Vauxhall — сложное слово, образованное от имени Ваух (так звали хозяйку одного из лондонских парков) и существительного hall (зал). Первоначальное значение — увеселительное заведение — с течением времени преобразовалось в современное».

Вероятно, кто-то, читая подобные научные статьи, всё в них понимает. Или считает, что всё в них понятно. Видимо, я один из немногих непонятливых. Самое первое слово — вы полагаете, оно французское? Во французском языке такого слова нет. Более того, во французском такого слова просто не может быть. Почему вокзал заимствовано в 19-м веке? И в 18-м веке у нас писали о воксалах и фоксалах. А эта Джейн Вокс — или она хозяйка одного из парков, или кто-то назвал определённый парк её именем, при этом в мужском роде? Ладно, я ведь решил не цепляться ко всему подряд, а спокойно проверять чужие и свои версии — а версий, как мы поняли, несколько, и только согласно одной из них вокзал заимствовано из Vauxhall — из зала имени хозяйки одного из лондонских парков...

Однажды я прочитал в британской газете и даже вырезал на память небольшую заметку под заголовком «From Vauxhall to Vokzal»: «Русское слово для обозначения железнодорожной станции, вокзал, происходит от названия станции Воксхол на юге Лондона...» Я уже знакомил вас с этой историей? Нет, здесь тоже нелепости, но версия всё же иная: не сам Николай I обогатил наш язык новым словом, а его представители — в середине XIX века! Английский журналист, постоянно пребывающий в Москве в качестве собственного корреспондента, пишет в свою уважаемую газету, и уважаемая газета его печатает: «Желая знать, как лучше приступить к строительству железных дорог в своей обширной стране, царь Николай I, в середине 19-го века, послал в Великобританию представителей ознакомиться с работой железнодорожного транспорта. Русские ехали по Юго-Западной дороге, их заинтересовало, почему все поезда делали остановку в Воксхале. Прозаическое объяснение в том, что на этой станции проверялись билеты перед прибытием поездов на Ватерлоо, где пассажиры выходили, не предъявляя билет. Русские, однако, пришли к заключению, что Воксхол был узловой станцией, и быстро внедрили её название в свой язык».

Заметка из серьёзного и, повторяю, уважаемого британского издания, не из какой-нибудь захолустной газетёнки... Хотя, если вы не замечали, то я давно обратил внимание, ещё когда при коммунизме всех нас в обязательном порядке заставляли подписываться на «Пионерскую правду», потом на «Комсомольскую правду», потом просто на «Правду»: и в самых серьёзных, и в самых правдивых изданиях печатается, по выражению Н.В. Гоголя, много несообразностей и ложных слухов. Объяснение английского журналиста, им не придуманное, а почерпнутое из чужих краеведческо-этимологических разысканий, нелепо в целом. Доподлинно известно, что первая железная дорога в России строилась в 1836-м, введена в действие в 1837 году, так что не соответствует действительности, будто в середине XIX века Николай I только ещё вынашивал планы строительства. Во-вторых, слово воксал использовалось в русском языке по отношению к разного рода гульбищам ещё в XVIII веке, по крайней мере, в его второй половине, — и в форме воксал, и в форме фоксал. Его не внесли в «Словарь Академии Российской», изданный в 1789–1794 годах, видимо, потому, что княгиня Е. Р. Дашкова с остальными любителями и ревнителями русской словесности не включали в свой лексикон иноплеменные слова, такие, например, как панталоны, фрак, жилет. Но они были на слуху — ибо в ходу были соответствующие предметы одежды, как мы помним по описанию онегинского гардероба, а среди увеселительных заведений имелись и воксалы — мы снова доверяем А. С. Пушкину, который, по его

собственному признанию, на разные забавы много жизни погубил. В стихотворении «К Наталье» поэт сокрушается:

Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Лёгким зефиром летал...

Стихотворение датируется 1813 годом. Воксал, повторяю, встречается и в более ранних источниках, но только в 1847 году его внесли в академическое издание, известное как «Словарь церковно-славянского и русского языка»: «Воксал — зала для собрания танцующих и играющих в карты». И стихотворение, и «Словарь» увидели свет до того, как мифические посланники Николая I, оказавшись на станции Воксхол, решили... а что, они, собственно, решили? Предположим, некие русские пассажиры приняли Воксхол за узловую станцию, как пишет английский журналист. И что? Продолжая его логику, означенные пассажиры и перенесли бы имя собственное Vauxhall на русские узловые станции, они же решили обогатить русский язык словом воксал для обозначения любой и каждой железнодорожной станции — при этом не зная, что в русском языке уже есть воксал для обозначения гульбищ с танцами и картами.

Гульбище

Я уже пять раз употребил слово «гульбище» и вдруг сообразил, что меня могут неправильно понять. Могут подумать, что я иронизирую или высказываюсь неуважительно об увеселительных заведениях и досуге наших предков. Спешу уточнить: словом гульбище, которое сегодня чаще воспринимается как разгульная гульба, кутёж, в прошлом, по крайней мере, в XVIII и начале XIX века, называли место, обустроенное для гуляния, общественный сад для культуры, так сказать, и отдыха. Летний сад в Петербурге был гульбищем, а в Летнем саду было ещё Крестовое гульбище — с особой задумкой устроенные аллеи. Увеселительный сад, тот же Воксхол близ Лондона, или Тиволи в Париже тоже были публичными гульбищами. С некоторой натяжкой можно приравнять гульбище к современному торгово-развлекательному комплексу со всеми его танцполами, диско-барами, аттракционами и фаст-фудами в виде гамбургеров и чипсов... Нет на нас адмирала Шишкова! — он быстро нашёл бы замену всем этим фаст-фудам, чипсам, наггетсам, френч-фрайзам и прочей иностранщине, он бы вернул и гульбища, и ристалища, и позорища в наш могучий и, главное, свободный язык...

После словечек вроде «фаст-фуд», привнесённых в русский язык для быстроты понимания всяческими ритейлерами, дистрибьютерами, мерчендайзерами и менеджерами, после нескладных статей о Царскосельской железной дороге и Павловском вокзале так и тянет почитать что-нибудь из старых литераторов, из настоящих сочинителей — в художественном смысле этого слова. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» описывает свою поездку, в июле 1790 года, в тот самый Воксхольский увеселительный сад, к которому то и дело возвращается наш сегодняшней разговор. Карамзин называет его, обратите внимание, Лондонским Воксалом.

Карамзин пишет сначала о Гринвиче: «Гринич сам по себе есть красивый городок; там родилась Елисавета. — Мы отобедали в кофейном доме, погуляли в парке, сели в лодку, поплыли, в десять часов вечера вышли на берег и очутились в каком-то волшебном месте!..

Вообразите бесконечные аллеи, целые леса, ярко освещённые огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великих людей; среди густой зелени триумфальные пылающие арки, под которыми гремит оркестр; везде множество людей, везде столы для пиршества, убранные цветами и зеленью. Ослеплённые глаза мои ищут мрака, я вхожу в узкую крытую аллею, и мне говорят: Вот гульбище друидов. Иду далее: вижу, при свете луны и отдалённых огней, пустыню и рассеянные холмики, представляющие римский стан; тут растут кипарисы и кедры. На одном пригорке сидит Мильтон — мраморный — и слушает музыку; далее — обелиск, китайский сад; наконец нет уже дороги... Возвращаюсь к оркестру.

Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вам славный английский Воксал, которому напрасно хотят подражать в других землях. Вот прекрасное вечернее гульбище, достойное умного и богатого народа!

Оркестр играет по большей части любимые народные песни, поют актёры и актрисы лондонских театров, а слушатели, в знак удовольствия, часто бросают им деньги.

Вдруг зазвонили в колокольчик, и все бросились к одному месту; я побежал вместе с другими, не зная, куда и зачем. Вдруг поднялся занавес, и мы увидели написанное огненными словами: «Take care of your pockets!» — «Берегите карманы» (потому что лондонские воры, которых довольно бывает и в Воксале, пользуются этой минутой). В то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! — думал я. — Но не стоит того, чтобы бежать без памяти и давить людей».

Лондонский Воксал соединяет все состояния: тут бывают и знатные люди и лакеи, и лучшие дамы и публичные женщины. Одни кажутся актёрами, другие — зрителями. — Я обходил все галереи и осмотрел все картины, написанные по большей части из Шекспировых драм или из новейшей английской истории. Большая ротонда, где в ненастное время бывает музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя в десяти живых портретах.

Часу в двенадцатом начались ужины в павильонах, и в лесочке заиграли на рогах. Я отроду не видывал такого множества людей, сидящих за столами, — что имеет вид какого-то великолепного праздника. Мы сами выбрали себе павильон, велели подать цыплёнка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету и заплатили рублей шесть.

Воксал в двух милях от Лондона и летом бывает отворён всякий вечер; за вход платится копеек сорок. — Я на рассвете возвратился домой, будучи весьма доволен целым днём».

Гульбище друидов, упомянутое в тексте, — название аллеи. По одним источникам, по-английски аллея именовалась the Druid's Walk, по другим — the Druid Walk. Небольшая разница в написании не влияет в данном случае на смысл: в любом случае это Друидская дорожка. Характерно другое: в некоторых публикациях эта дорожка, или аллея, фигурирует также как the Lover's Walk — так называли её неофициально, поскольку она особенно приглянулась тем, кто искал в Воксале, или, что одно и то же, в Воксале, любовных свиданий, в том числе с публичными женщинами, присутствие которых заметил Н.М. Карамзин. Однако другие источники, в том числе мемуарные, говорят о двух разных аллеях — было, мол, и гульбище Друидов, было и отдельное Любовное гульбище. Почему я усматриваю в этих разногласиях нечто характерное? Потому что неточность, неоднозначность, расхождения и противоречия — неизбежная принадлежность всех свидетельских показаний и последующих исторических изысканий. Как заметил однажды Самуэль Пипс, английский государственный деятель: если нет полной уверенности в том, что и

как происходит сегодня, откуда может быть уверенность в том, что происходило в прошлом?

Применительно к нашей теме могу добавить: мы уже раз десять с подачи русских краеведов и этимологов помянули госпожу Джейн Вокс, а вот у британцев в «Лондонской энциклопедии», где есть, конечно, статья и о Воксхале, она не упомянута ни разу. В означенной энциклопедии пишут, что название Vauxhall идёт из куда более давних времён, чем XVII век, когда открылся увеселительный сад: ещё в XIII веке некий Falkes de Breauté, гасконский наёмник на службе у короля Иоанна, обосновавшись близ Лондона, построил поместье, которое называлось Fulke's Hall. В некоторых документах оно упоминалось с написанием Faukeshall, Fawkyhall. В своём дневнике Самуэль Пипс пишет 27 июля 1663 года о поездке в Фоксхол (Fox Hall). Из его более ранней дневниковой записи, от 29 мая 1662 года, мы также узнаём, что в те годы увеселительный парк имел название Спринг-гарден, при этом было два таких парка — Старый и Новый: «With my wife and the two maids, and the boy, took boat and to Foxhall, where I had not been a great while. To the Old Spring Garden, and there walked long... Thence to the New one, where I never was before, which much exceeds the other».

Имеющие глаза видят, что у нас про Воксхол пишут совсем не то, что пишут про него англичане. А вы рассказываете мне, что история и этимология — науки. Наука, это когда дважды два — всегда четыре, хоть в далёком прошлом, хоть в настоящем, когда это везде четыре, хоть в России, хоть в Англии, и хоть на Марсе.

Английская красавица с деревянной ногой и фоксал на Каменном острове

Кто-то черпает сведения из Карамзина, кто-то из «Московских ведомостей»... Кстати, чтение старых газет иногда очень развлекает. Например, литературный герой Н.В. Гоголя в «Записках сумасшедшего» как-то прочитал газетное сообщение о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю. Я, листая подшивку «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1777 год, тоже наткнулся на прелюбопытнейший анекдот — простите, на правдивейшую историю, ибо, как мы знаем, в официальных изданиях, к которым принадлежали «Ведомости», пишут только правду. В номере за 4 июля 1777 года сообщение из Англии начиналось тонко подмеченной характеристикой англичан: они весьма удобны к странным предприятиям. И в подтверждение следовал рассказ, как некий молодой человек влюбился в весьма пригожую девицу, имевшую, однако, один порок: «то есть что она воспитана в привычке жить без ходьбы, и никогда не оставляет своего стула». Молодой англичанин сделал пригожей девице предложение, она ему отказала, чем «ещё более возпалила к ней любовь его». А потом — послушайте! — она открыла ему, «что у неё одна нога деревянная». Какой пассаж! И каким слогом излагается сия правдивая история, какой стиль: влюблённый юноша «желал равно иметь её себе женою и без ноги; но красавица, боясь, что он не будет любить её, никак не соглашалась. Англичанин едет не мешкав в Париж, сыскивает там искусного лекаря, своего знакомого, просит отрезать ему ногу. — Которую? — спрашивает лекарь. — Которую изволишь, мне всё равно...»

И дальше в таком же духе — в «Санкт-Петербургских ведомостях», в правительственном печатном органе... Но — *revenons à nos moutons*, как говорят французы: вернёмся к нашим баранам. А наши бараны — это... я даже чуть не забыл тему разговора, зачитавшись про красавицу с деревянной ногой. Так вот, по поводу воксала: листаю я «Ведомости», и в другом июльском номере пишут: «Сего июля 9 дня откроется на Каменном острове в новой галлерее фоксал, коего содержатели, господа Гротти и Шеневет ласкаются, что всяк найдет в сем месте к совершенному своему удовольствию и увеселению по вкусу расположенные украшения, музыку и всякие забавы... Можно туда приезжать в масках и без оных, как кому угодно».

Новое увеселительное заведение на Каменном острове именуется фоксалом — повторяю, в 1777 году, задолго до выдуманной истории о русских посланниках царя Николая I, решивших по невероятной глупости, что вывеска Vauxhall на перроне значит «железнодорожная станция», и нужно побыстрее внедрить в русский язык слово вокзал. При этом фоксал повторяет написание и произношение, которое мы видели у Самуэля Пипса: Fox-hall.

Следующим примером употребления будет у нас стихотворение В. Л. Пушкина «Вечер», написанное в 1798 году.

У Скопидомова ты всякий день бываешь;
 Проказы все его и всё о нём ты знаешь:
 Не правда ль, что в жене находит он врага,
 И что она ему поставила рога?
 Нахалов часто с ней в театре и воксале;
 Вчера он танцевал два польских с ней на бале,
 А после он её в карету посадил;
 Несчастный Скопидом беду себе купил;
 Бог наградил его прекрасною женою!
 Да, полно, сам дурак всем шалостям виною.

В 1813 году любвеобильный А. С. Пушкин писал процитированное послание «К Наталье», в 1816 году он обращается уже «К Маше». Это его личное дело, кому и сколько раз признаваться в любви, нас интересует только слово «воксал», которое видится вполне обиходным и совсем обрусевшим.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 В собраньях будете сидеть
 И, жертвуя богине Скуки,
 С воксала в маскарад лететь...

Сейчас я не делаю каких-либо великих открытий: и упоминание фоксала в 1777 году в «Санкт-Петербургских ведомостях», и «воксал» в пушкинских стихах известны кропотливым исследователям русского языка, так что не соответствует действительности утверждение, с которым мы познакомились выше, будто это слово заимствовано из английского языка через французский в XIX веке. В другом источнике, а именно в «Этимологическом словаре современного русского языка», который вышел в научном издательстве «Флинта», мы находим указание на нужный номер «Санкт-Петербургских ведомостей», и составитель, А. К. Шапошников, приводит добросовестно годы, когда Н.М. Яновский внёс «воксгал» в свой «Новый словотолкователь» (1803), когда «воксал» прозвучал у Пушкина-дяди (1798) и когда у Пушкина-племянника (1813).

«Вокзал: здание для обслуживания пассажиров на железнодорожной станции или на пристани. Впервые употреблено в форме фоксаль в «СПб. Ведомостях» №53 за 1777 г., отмечено в словарях с 1803 г. в формах воксгаль, ваксаль — место увеселений (ещё в 1798, 1813 гг.). Даль также толкует слово воксаль как соборная палата, зала на гульбище, где обычно бывает музыка. Однако первое употребление слова в современном значении паровозы будут ходить отправляясь от воксала в Павловске отмечено в «СПб. Ведомостях» за 18. 02. 1837. Это значение стало со временем основным в связи с тем, что железная дорога Петербург-Павловск заканчивалась у воксала в Павловске, служившего одновременно пассажирским зданием и концертным залом. * Из англ. Vauxhall букв. зал (Джейн) Вокс. Дж. Вокс (17-й в.) была владелицей загородного поместья близ Лондона, где давались концерты, устраивались карточные

игры, танцы и проч. увеселения. Форма с начальным ф восходит к французскому *facshall*, переделке английского *Vauxhall*».

Чем дальше в лес, тем больше дров... Итак, сведения из британской «Лондонской энциклопедии» с их Фоксом де Броте из XIII века, с их Фоксхолом из последующих веков можно отбросить, ибо уже не первый русский этимолог настаивает на версии с Джейн Вокс. А почему соборная палата? Когда В.И. Даль писал «сборная палата», он имел в виду, что в такой палате, то есть таком помещении, люди собираются для увеселений, а в соборные помещения ходят на молитву. Но это мелочь, это, скорее всего, опечатка. По поводу отправления поездов от воксала в Павловске я выше говорил: поезда отправлялись со станции близ Павловского музыкального воксала, точно так, как, скажем, автобусы отправляются от какого-либо развлекательного комплекса, из чего не следует, будто автобусная остановка и комплекс — одно и то же. На февраль 1837 года Павловский воксал, хотя от него и отправлялись паровозы, был только гульбищем... Ах да, виноват, на этот счёт меня уже опровергли, придавив авторитетом Большой советской энциклопедии, откуда и А.К. Шапошников почерпнул без проверки сведения о том, что Павловский воксал был одновременно увеселительным заведением и железнодорожной станцией.

Джейн Вокс уже и мне полюбилась благодаря многократному упоминанию, хотя ни она сама, ни её фамилия не имеют отношения к истории с заимствованием *Vauxhall* в русский язык. Шапошников сообщает, что она Джейн Вокс жила в XVII веке. В редких английских материалах действительно фигурирует некая вдова с фамилией то ли *Fauхе*, то ли *Vaux*, — под 1615 годом. При любом раскладе Джейн, чья фамилия могла произноситься Фокс, Вокс или Воз, не была владелицей загородного увеселительного поместья, поскольку первый увеселительный парк в районе Воксхола появился в 1660-х годах, при этом, как я уже сказал, он назывался *Spring-garden*. И во французском языке всё-таки нет слова *facshall*. И форму с начальным ф позаимствовали в русский прямо из английского без всяких французских переделок от написания *Foxhall* — идущего, возможно, но не обязательно, от *Fulke's Hall*, *Fawkes Hall*, *Faulkeshall* или *Faukeshall*.

Новые и старые словотолкователи

Николай Яновский, на чей «Новый словотолкователь» ссылаются в связи с вокзалом, возможно, был первым лексикографом, зафиксировавшим это слово в русском языке. Толкование Яновского, однако, отчасти сбивает с толку. У него в заголовке статьи написание «ваксал», в качестве варианта приводится «воксгал». Яновский сообщает: «Ваксал, или Воксгал, что на Английском значит зал, дом, дворец, замок; место, куда собираются забавляться гуляньем, пляскою, музыкою, пением, игрием в карты и проч.».

Написание «ваксал» легко объяснимо: передаётся не произношение, а написание *Vauxhall*. Но мы вынуждены обвинить лексикографа в невежестве: «ваксал» по-английски не значит ни зал, ни дом, ни прочие помещения или строения. *Vauxhall* — имя собственное, название определённого имения, поместья. Если говорить только о второй части названия, а именно о существительном *hall*, его можно понимать и переводить как зал, здание, усадьба. В романе «Собака Баскервилей» события разворачиваются в Баскервиль-холле (в усадьбе Баскервилей), в романе «Джейн Эар» — в Гейтсхед-холле (*Gateshead Hall*), а уж сколько населённых пунктов и имений носит название Ньюхолл (*Newhall*), и у скольких название Вудхолл (*Woodhall*) — как в Британии, так и в других англоязычных странах.

Судя по всему, Яновский, составляя свой новый словарь, не ведал или не обратил внимания, что на тот момент, к 1803 году, ваксал встречался во многих

русских источниках, в том числе в «Санкт-Петербургских ведомостях», преимущественно в написании фоксал и воксал.

Поскольку мы коснулись английских поместий и поселений, заглянем по ходу дела и чисто из любопытства в недавно вышедший «Словарь британских географических названий»: что пишут сегодняшние английские краеведы и филологи о названии Воксхол? Заглядываем, читаем и узнаём: Vauxhall в написании Faukeshale впервые встречается в 1279 году. Происходит из старофранцузского личного имени Falkes и староанглийского hall.

А в наших словарях, не британских, и мне, и вам, и всем нам рассказывают и рассказывают байку про Джейн Вокс из XVII века!

Поскольку эта англичанка так въелась в историю русских увеселительных заведений и железных дорог, давайте уж докопаемся, откуда она взялась в нашем краеведении, в нашей журналистике и особенно в нашей этимологии? Докапываться придётся недолго, ибо мало кто из филологов занимается собственными розысками, предпочитая списывать из уже существующих исследований, а когда списываешь, по ключевым словам легко определяется первоисточник, в данном случае «Этимологический словарь» Макса Фасмера:

«Вокзал — сначала фоксал («Санктпетербургские ведомости» за 1777 г.); см. Грот, Фил. раз. 2, 480; ср. также польск. wokszał, wogzał...»

Мы обнаруживаем, во-первых, ссылку на уже известную нам заметку в «Санкт-Петербургских ведомостях». Вернее, Фасмер ссылается на Я. К. Грота, который, обнаружив в своё время фоксал в означенной газете, пишет в «Филологических разысканиях»: «У нас слово вокзал едва ли не в первый раз встречается в следующем объявлении, напечатанном в Санкт-Петербургских Ведомостях 1777 года (№ 53): Сего июля 9-го откроется на Каменном Острове в новой галлерее фоксал».

Позволю себе — нет, не опровергнуть великого филолога, а сделать скромно небольшое дополнение: слово «фоксал» встречалось у нас куда раньше, чем его пропечатали в 1777 году «Ведомости». Например, в 1761 году русским зрителям показывали балет «Ярмарка в Лондоне, или Фоксал».

Что такое у Фасмера wokszał и wogzał? Похоже, составитель воспроизвёл польско-латинскими буквами русское «вокзал». А для чего? По-польски (железнодорожный) вокзал называется dworzec (kolejowy). Если Фасмер имел в виду воксал как увеселительное заведение, для этого в польский очень давно ввели существительное fokszał, в котором сразу узнаётся английское Vauxhall или, что вернее, Foxhall. В 1776 году в Варшаве, по примеру других европейских городов, открыли место для увеселений (miejsce rozrywki), дали ему английское название Воксхол (angielską nazwę Vauxhall) — так, как назывался сад (ogród) в Лондоне: «W 1776 urządzono w tutejszych ogrodach miejsce rozrywki dla zamożnych mieszkańców Warszawy, nadając mu angielską nazwę Vauxhall, będącą określeniem istniejącego ogrodu w Londynie...» В Варшаве до сих пор есть улица Fokszał — она прилегала к означенному гульбищу.

В нашу этимологию пресловутая Джейн Вокс прочно внедрилась с подачи именно Макса Фасмера. Называя вокзал заимствованием из английского Vauxhall, он сообщает, что парк и место увеселений под Лондоном названо по фамилии владелицы Джейн Вокс (Jane Vaux, 1615 г.). Фасмер и здесь ссылается на чужие мнения; собственно, весь его словарь представляет из себя собрание чьих-либо объяснений и мнений, в том числе весьма спорных и подчас фантастических толкований Н. В. Горяева.

Впрочем Н. В. Горяев по поводу вокзала не фантазировал, он просто написал: «Вокзаль англ. vauxhall», так что Джейн Вокс — не его детище. Филолог О. Н.

Трубачёв, переведивший словарь Фасмера с немецкого на русский язык, счёл нужным сделать к этой статье дополнение с иным объяснением английского Vauxhall — «из Faukeshall (двор Фокса), с 13-го века, по имени известного авантюриста французского происхождения.»

Но это дельное замечание, как я вижу, осталось и остаётся незамеченным. Собственно, я понимаю, что и я сейчас зря распинаясь. Объяснение Макса Фасмера, приведённое с чужих слов без проверки и перепроверки, кочует из уст в уста, из публикации в публикацию, из газетки в журнальчик, из журнальчика в книжку и, написанное многократно пером, уже зафиксированное в толковых словарях, оно никогда не будет вырублено никаким топором. Сверяя разные мнения и толкования, я только что наткнулся на очередной материал на нашу тему. И нашёл я его не где-то в одноразовом путеводителе или районной газетёнке, это материал из учебной программы «Живой русский язык», где учат правильно писать, говорить и ставить ударения, он является своего рода ответом на читательский вопрос с объяснением, как правильно понимать слово «вокзал».

Правильное понимание урбанонимов

Итак, слушаем правильный ответ знатоков живого русского языка на наш незамысловатый вопрос, откуда произошло слово вокзал.

«Слово вокзал происходит от урбанонима Vauxhall (воксхолл) — небольшого парка с концертным залом близ Лондона. В XIII веке английский король Иоанн Безземельный подарил нормандскому рыцарю Воксу де Броте участок на правом берегу Темзы. Имение наследовали потомки Вокса, и вот в 1661 году предприимчивая Джейн Вокс открыла в нём «Новый весенний сад», для загородных увеселений знати. В живописном парке устраивали фейерверки, иллюминации и гуляния, а для балов, танцев и концертов был построен большой зал, по-английски — холл...»

Стоит ли повторять опровержения по поводу отдельных слов и дат, когда я уже признался, что в целом мои объяснения обречены на неуспех? Но как-то механически я продолжаю уточнять: означенный парк был очень даже большим, достаточно вспомнить Карамзина и его описание Лондонского Воксала — описание одного геонима или уж не знаю чего в карамзинском травелоге: бесконечные аллеи; целые леса, ярко освещённые огнями; галереи, колоннады, триумфальные пылающие арки; множество людей; везде столы для пиршества; римский стан; далее — обелиск, китайский сад... Имя гасконского наёмника Falkes произносилось Фокс, может быть, как Фолкс, почему он вдруг стал Воксом? Видимо, потому что нужно притянуть его, малоизвестного, к известной фигуре в нашей этимологии, к вдове Джейн Вокс. Спринг-гарден, обустроенный парк с аллеями, клумбами и площадкой для игры в шары существовал уже в конце XVI века, задолго до того, как предприимчивая Джейн Вокс якобы открыла его в 1661 году. При этом парк, или сад, не был весенним: spring в данном случае подразумевает а copse or grove of young trees, то есть spring нужно понимать как роща, лесок — в таком огороженном леске разводили дичь для охоты, которая издавна была одним из увеселений английской знати.

Из дальнейших объяснений «Живого русского языка» мы узнаём, что в Москве в 1775–76 годах «М. Гроти открывает увеселительный сад, причём в его названии английское воксхолл трансформируется в русское воксал. Через семь лет антрепренёр Медокс там же открыл Большой Воксал, а в 1793 году первый Воксал открылся в Нарышкинском саду Петербурга... Одну из станций первой в нашей стране железной дороги Петербург–Царское Село–Павловск в 1836 году назвали Вокзал, так и появилось в русском языке это слово».

Когда в подобных изысканиях называются конкретные даты, это способствует тому, что читатель, ученик и студент воспринимает материал как нечто доподлинно историческое, совершенно научное, в отличие от сказок, где дело было при царе Горохе, давным-давно, в незапамятные времена, когда текли молочные реки... Правда, в других изданиях другие историки и краеведы уверенно пишут, что антрепренёр Мельхиор Гротти открыл первый московский вокзал не в 1775 году, а в конце 1760-х годов. Если вспомнить «Старый Петербург» М.И. Пыляева, там есть авторитетное заявление об открытии первого общественного увеселительного сада в 1793 году: «Весной 1793 года барон Эрнест Ванжура, придворный пианист, принимавший участие в управлении императорскими театрами, открыл на Мойке первый общественный увеселительный сад (воксал), где по средам и воскресеньям происходили маскарады, танцы и т.д.».

Как быть со свидетельством «Санкт-Петербургских ведомостей» о фоксале в 1777 году — вроде бы, он первее, чем указанные нарышкинский и ванжуровский. Кстати, кто и откуда Мельхиор Гротти? В наших культурологических изысканиях по поводу театра непременно упоминается Медокс, английский антрепренёр, механик и чуть ли не часовщик. В английских источниках его имя никак не обнаружить, и, вместо переписывания одних и тех же спорных сведений, кто бы взялся отыскать: откуда приехал, откуда появился в России сей англичанин. В любом случае, всё вышесказанное со всеми спорными датами и затасканными именами не имеет отношения к слову «воксал». У человека, прочитавшего объяснительный очерк, может застрять в памяти что-нибудь случайное, например, прозвище английского короля: любопытно, почему он Безземельный. А по сути нам сообщили: Вокзалом назвали одну из станций на Царскосельской дороге. Просто так — взяли и назвали. А какую именно станцию? Видимо, за ответом на этот вопрос любопытствующим следует обращаться в какой-нибудь ещё «Живой русский язык».

Французский след

Вдову Джейн Вокс ввёл в нашу этимологию Макс Фасмер — с подачи третьих лиц, после чего предприимчивая вдова стала персонажем чуть ли не всех публикаций о русских вокзалах, как увеселительных, так и железнодорожных. После всяческих краеведческо-культурологических поделок мы обнаруживаем Джейн Вокс и в совершенно научном труде языковеда П.Я. Черных, чей двухтомный «Историко-этимологический словарь современного русского языка» вышел в совершенно научном издательстве «Русский язык». Здесь мы читаем многожды читанное: «В русском языке вокзал, старая форма воксал, восходит к англ. Vauxhall (от собст. имени Vaux и hall зал) по имени Джейн Вокс (17-й в.), владелицы загородного сада близ Лондона (для концертов, танцев, для карточной или иных игр, место увеселенья, гулянья т. п.)».

Напоминаю о Фоксе, или Фолксе де Броте (Falkes de Breauté): уж если заниматься для чего-то английской этимологией, нужно вести историю Воксхола не с XVII, а с XIII века. Некоторые британские краеведы, те, что не сомневались в существовании Джейн Вокс, называли её потомком указанного Фокса, при этом сомневаясь, была ли она Фокс (Fauхе) или Вокс (Vaux). Иные даже полагали, что Джейн была вдовой Гая Фокса — всем известного злодея, который чуть не взорвал британский парламент в 1605 году. Согласимся, что его фамилия Fawkes очень даже напрашивается на то, чтобы прилепить её к истории Воксхола. Но это не более чем домыслы — скорее всего, навеянные тем, что и в увеселительных садах всегда запускали фейерверки, и в день Гая Фокса, 5 ноября, в Англии всегда запускали и запускают фейерверки, отмечая неудачу Порохового заговора.

В «Историко-этимологическом словаре» мы обнаруживаем истоки французского следа. Похоже, именно П.Я. Черных впервые связал форму фоксал с несуществующим французским словом *facshall*: «Форма с начальным ф восходит не к английскому *Vauxhall*, а к французской его переделке (*facshall*).» Напечатанное в научном издании, это утверждение потом перекочевало в издания менее научные.

Хотя я уверенно заявляю, что такого слова во французском нет, давайте заглянем ещё раз в самый полный французский лексикографический труд, а именно в «Словарь Французской Академии». Нет, ничего даже похожего на *facshall* не обнаруживается...

Но вряд ли сам П. Я. Черных придумал слово с такой занимательной орфографией. Он, скорее всего, повторил без перепроверки чьё-либо этимологическое суждение.

Если обратиться к истории парижского увеселительного сада Тиволи, мы не сможем обнаружить совершенно точных сведений: когда основан, где именно, кто владелец? — в целом и в общем, в разных районах Парижа и в разные периоды, начиная чуть ли не с 1730 года, существовали Тиволи-Воксхолы. Вторая часть названия, конечно, заимствована из английского языка, публике обещалось нечто, похожее на славное лондонское гульбище. Разного рода заведения, преимущественно залы с музыкой и танцами, как летние, так и зимние, именовались *Tivoli-Vauxhall*, или, что, по-моему, случалось чаще, *Tivoli-Wauxhall*, *Tivoli-Waux-Hall*. Здесь не наблюдается французской переделки, и употребление разных заглавных букв в написании не сказывается на произношении. Во «Всеобщем французско-русском словаре» Ив. Татищева (1841) искомое слово присутствует именно в таком написании: «*Waux-Hall s.m.* Ваксгалъ, место забавы».

Эмиль Литтре (1801–81), работая над своим четырёхтомным словарём французского языка, счёл нужным, в отличие от составителей Академического словаря, внести в него *Vauxhall* — с произношением «воксал» и с объяснением, что это публичное место, где устраиваются балы и концерты: «*Vauxhall (vô-ksal) s. m. Lieu public où se donnent des bals, des concerts.*»

Литтре (*Émile Littré*) приводит в качестве примера строку из Ж.-Ж. Руссо, из его «Письма к господину д'Аламберу» (*Lettre à M. d'Alembert*): «*Les dames anglaises errent aussi volontiers dans leurs parcs solitaires, qu'elles vont se montrer au vauxhall*» (*J. J. Rousseau, Lett. à d'Alemb.*). Рискну предложить свой перевод: «Английские дамы столь же охотно прогуливаются в своих уединённых парках, как и являются в воксал». В чём риск? В том, что Жан-Жак Руссо на самом деле писал «*Elles vont se montrer à Vauxhall*» — у него Воксхол имя собственное, название увеселительного гульбища, и, по мнению Руссо, весьма спорному с точки зрения людской психологии, (всем) английским дамам одинаково приятно — прогуливаться в своём тихом парке или ехать на публичные увеселения в Воксхол. Лексикограф Литтре своим написанием *au vauxhall* переделал имя собственное в имя нарицательное, теперь это существительное с артиклем *le*, оно уже принимает значение увеселительное заведение, или воксал. Почему и для чего Литтре переименовал Руссо? Наверно, здесь нечто схожее с русским использованием Воксхола и русской лексикографией: то ли писать Фоксал, Воксал и понимать как лондонский увеселительный парк — наш русский Фоксал, построим и у себя Воксал; то ли считать фоксал, воксал, ваксал, ваксгал нарицательным существительным: состоится фоксал, посещать воксалы.

Любопытно, что во втором показательном примере Эмиль Литтре снова подправляет первоисточник. Он приводит несколько стихотворных строк: «*Peindrai-je ces vauxhalls dans Paris protégés, Ces marchés de débauche en spectacle érigés, Où des*

beautés du jour la nation galante... Vient, en corps, afficher des crimes à tout prix?» (Gilbert, Mon apologie).

В сатире «Речь в свою защиту» (1778) поэт Николя-Жозеф Жильбер, бичуя людские пороки (vices), утверждает, что воксалы сродни рынкам (marchés), только торговля распутством облекается в форму зрелища (spectacle). Нас интересует не повреждение нравов во Франции, а орфография: у Жильбера на самом деле не vauxhalls, а Waux-Hal (в единственном числе), что опять сообщает нам о неустойчивом написании и расплывчатом понимании английского заимствования.

Tous les rangs confondus et disputant de vices,
Le silence des lois, du scandale complices.
Peindrai-je ces Waux-Hal dans Paris protégés,
Ces marchés de débauche en spectacle érigés...

Распутство

Кто-то, зная о существовании распутства, не обращает на него внимания, кто-то и не знает о нём, как в советский период, посещая городской парк культуры и отдыха, увешанный лозунгами про высокие моральные устои нашего общества, мы, в большинстве своём, не ведали, что в каких-то условленных аллеях означенного парка ждут клиентов проститутки, а в бильярдной игра у завсегдатаев идёт вовсе не на спортивный интерес... Самуэль Пипс пишет в своём дневнике 30 мая 1668 года о поездке в Фоксхолл (Fox Hall), где он оказывается в компании неких господ, ему неприятных, и, называя их мошенниками, или даже негодяями (rogues), Пипс раздражается, что им охота завладеть каждой встречной женщиной: «as very rogues as any in the town, who were ready to take hold of every woman that came by them».

В мае 1712 года Джозеф Аддисон (1672–1719), журналист и издатель, посещает со спутником славное лондонское гульбище, при этом, обратите внимание, называя его Спринг-гарден: «We arrived at Spring-garden». А место, где парк расположен, — Фоксхолл. Именно такое написание у Аддисона: «We made the best of our way for Fox-hall». Судя по всему, Аддисон, как и Самуэль Пипс до него, не ведал про Джейн Вокс, столь полюбившуюся русским языковедам, которая, по русским этимологическим словарям, энциклопедиям и культурологическим изысканиям, дала своё имя Воксхоллу, открыла и владела Воксхольским увеселительным садом в XVII веке. Аддисон напечатал в своём «Наблюдателе», в номере от 20 мая 1712 года, статью о поездке в означенное культурно-увеселительное место, поставив в качестве эпиграфа строку из сатиры Ювенала: Criminibus debent hortos. В том смысле, что (увеселительные) сады процветают благодаря пороку: в долгу у пороков гульбища. Всё было красочно и великолепно в Спринг-гарден, и в смысле культуры, и в смысле отдыха, однако спутник Аддисона заметил в конце их загородной прогулки, что ездил бы чаще в Фоксхолл, если бы там было больше соловьёв и меньше потаскух: «if there were more Nightingales and fewer Strumpets».

Заметим в скобках, что в трёхтомном издании 1837 года, где собраны все статьи и очерки, напечатанные Аддисоном в «Наблюдателе», написание Fox-hall заменено редакторами на Vauxhall. Это к тому, что, основывая этимологические изыскания по поводу воксала даже на давних изданиях, можно с самого начала впасть в заблуждение, будто в 1712 году увеселительный парк был уже Воксхоллом. Нет, он оставался Фоксхоллом, поэтому и в русском языке сначала появилась форма фоксал.

Вернёмся к французскому следу, надеясь определить, куда, или, вернее, откуда он ведёт: кто первый произнёс или написал замысловатое facshall, принятое на веру русскими языковедами в связи с их глубокими исследованиями английского заимствования воксал. Якоб Фридрих фон Билфелд (1717–1770), немец, писавший свои

труды по-французски, в капитальной работе «Государственные учреждения» (Institutions politiques), перечисляя и описывая организации, органы, заведения и службы, составляющие государство, останавливает своё внимание, скажем так, на культурном отдыхе граждан. Городам нужны обустроенные места для прогулок — Билфелд пишет promenades publiques, что значит публичные места для гулянья и что можно понимать именно как места для культурного отдыха. В качестве образца для подражания (modèle) он приводит известные парижские гульбища — Тюильри, Люксембургский сад, Пале-Рояль; в Англии он выделяет Кенсингтонский сад — так я понимаю его Parc de Londres, и Фоксхолл; что касается Ренелас, по-моему, должно быть Ранелех (Ranelegh, Ranleigh, Ranelagh Gardens): «On peut proposer pour modèle d'une belle et magnifique promenade les Thuilleries, le Luxembourg, le Palais-Royal de Paris, le Parc de Londres, Foxhall, Renelas...»

Чтобы в гульбищах всё было чинно и пристойно, Билфелд рекомендует строгий полицейский надзор. Надо сказать, в его представлении, благополучие многих, если не всех государственных учреждений опирается на полицию — с её всевидящим взглядом и всеслышащими ушами. В увеселительных местах полиция обеспечивает абсолютную безопасность (sûreté), а пойманные там жулики (les filoux adroits) и хулиганы (les tapageurs, les querelleurs) должны наказываться с всемерной строгостью: «doivent être punis avec la plus grande rigueur».

Называя среди образцовых увеселительных мест Пале-Рояль, барон Билфелд не мог не знать, что означенное гульбище особенно славилось проститутками — этими дамами, как их называли в русских увеселительных садах. Перечисляя нарушителей общественного порядка и требуя для них строгого наказания, он не относит к их числу потаскух, которые, как мы понимаем, являются обязательным приложением к любому заведению, предназначенному для публичной культуры и отдыха. Возможно, их существование и присутствие в гульбищах он и не считал зазорным...

Мы достаточно отвлеклись и чуть было совсем не увлеклись обсуждением людских пороков. Вернёмся к нашей не менее увлекательной этимологии. Мы ознакомились с французским текстом Билфелда — он из второй половины XVII века, как раз из того периода, когда в русском языке стали использовать воксал в значении увеселительное заведение.

Наставления политические

Якоб Фридрих фон Билфелд напечатал свой двухтомный, многостраничный труд в 1760 году, а через восемь лет появился русский перевод под названием «Наставления политические барона Билфелда». Не могу удержаться и приведу почти полностью главу «О гульбищах»: кроме поучительного содержания здесь замечательный стиль, и если я не справился с французскими tapageurs и querelleurs, объединив их под именованием хулиганы, переводчик Фёдор Шаховской, владея запасом слов, теперь вышедших из употребления, нашёл отдельно для каждого из них удачное соответствие.

В главе, посвящённой культурному отдыху и здоровью населения, мы читаем: «Вольные гульбища суть нужнейшим украшением для города, и способствуют к веселию и к здоровью жителей. К сему выбирают приличное место, где сажают деревья алеями <...> Тут ставят скамьи и проч. для отдохновения, також привозят лавки или шатры, в которых продают всякие напитки и плоды для прохладения <...> То действительный недостаток в Полиции, когда нет в городе гульбищ, или когда они худо содержатся. В Англии гульбища есть и в тюрьмах, дабы содержащиеся в оных колодники не теряли своего здоровья. Впрочем можно представить в образец сему

великолепное гульбище Тюльерийское, Луксембургское, Парижский королевский дворец, Лондонский зверинец, Фоксгал, Ренелас...»

Билфелда не считают утопистом. Однако есть что-то наивно-утопическое в его рассуждениях, когда он рисует благолепную картину с каретами, проезжающими по аллеям гульбища: в каретах, понятное дело, благородные господа, быстро устающие от пеших прогулок, но их катание будет приятным позорищем для всего народа. Поставим себя на место нетитулованных и не особо состоятельных граждан: надев лучшее, что у нас имеется из одежды, в выходной день мы выбираемся в парк культуры и отдыха, где без зависти, без злобы, без колких замечаний, но с искренним умилением взираем, как мимо нас прокатываются в дорогих экипажах те, что имеют титулы, деньги, множество выходных костюмов и собственно эти дорогие экипажи. А добросовестные стражи из управы благочиния недремлющим оком наблюдают за порядком, бдительно осматривают все закоулки и быстро пресекают любые поползновения нарушить эту идиллию. Забияки (*tapageurs*) и озорники (*querelleurs*) тут же передаются в руки неподкупного Закона: «Полиция должна смотреть, чтоб сии гульбища имели совершенную безопасность; и мошенники, забияки, и озорники, на оных поиманные должны быть строго наказаны».

Не будем отвлекаться на обсуждение, в какой степени Билфелд, автор капитального труда об устройстве общества, знал людские нравы, знал ли он или намеренно не хотел знать о том, что общество находится в постоянном напряжении, оно наполнено ежечасной и ежеминутной борьбой, оно развивается благодаря противоречиям и борьбе, в которой выживают наиболее приспособленные, — напомним, что нас больше интересует орфография: во французском тексте 1760 года написано *Foxhall*, в своём русском переводе Шаховской в 1768 году пишет Фоксгал.

Мы убеждаемся, что форма фоксгал, или фоксал, с начальным ф, пришла из английского *Foxhall* — как во французский, так и в русский. И даже если она пришла к нам через французский, всё равно это был «фоксал» — без промежуточных выдуманных переделок в *facshall*.

Есть иное мнение

Может сложиться впечатление, и оно уже сложилось, что происхождением воксала профессиональные этимологи и просто любители русской словесности по-настоящему заинтересовались только во второй половине XX века. Макс Фасмер сообщил нам про некую Джейн Вокс, владелицу увеселительного парка, после чего языковед П.Я. Черных повторил для чего-то имя владелицы в своём «Историко-этимологическом словаре», затем и другие, менее авторитетные, языковеды, краеведы, культуроведы и хоть кто угодно стали механически переносить мнение авторитетов в свои писания.

У Фасмера, напомним, есть ссылка на Я.К. Грота, на его «Филологические разыскания», откуда мы уже зачитывали сообщение о едва ли не первом употреблении воксала в 1777 году в июльском номере «Санкт-Петербургских ведомостей». Если ознакомиться с отдельной статьёй Я.К. Грота в указанных «Разысканиях», там написано следующее: «Вокзал — у нас так называют вообще здание путевого двора (чеш. *nádraží*). Но собственно английское *Vauxhall* — название первоначально деревни близ Лондона, впоследствии сада в этом городе. По другому мнению, название лондонского общественного учреждения произошло от имени содержателя его *Devaux*».

Я не понял, зачем здесь приводится чешское *nádraží* (вокзал), но, видимо, какая-то тонкая связь существует — или с Воксхолом, или с железнодорожными дворами. Так или иначе, мы не находим в этимологическом материале ни слова о Джейн Вокс.

Без лишних рассуждений, не считая, видимо, нужным распространяться на эту тему, Я. К. Грот выводит вокзал из английского Vauxhall. А чьё другое мнение он упоминает? Можно оставить без внимания его дополнение, но, если проявить любопытство, если взять след по мимолётному замечанию Я. К. Грота, мы доберёмся до разгадки таинственного ложнофранцузского слова *facshall*.

Кроме филологических разысканий, Я.К. Грот прикасался к литературному наследию великих людей — в буквальном и переносном смысле. Проще говоря, он разбирал и публиковал переписку Екатерины II с учёнейшими мужами её эпохи, он исследовал бумаги Державина и написал его подробнейшую биографию... Про лондонского содержателя по имени Дево (*Devaux*) он узнал не из каких-либо краеведческих статей, а из сочинений самого Вольтера.

Кто виноват?

Когда заходит спор о причинах и последствиях наших русских бед, когда задаётся вечный русский вопрос: «Кто виноват?», он остаётся без ответа. Конечно, приводятся, озвучиваются разные мнения, но они, действительно, очень разные, и не получается выделить хотя бы тройку-пятерку, если уж не одного или пару козлов, извините за грубость, — козлов отпущения. А вот во Франции козлы отпущения давно найдены. Если что случается, начиная с того, что вы упали в канаву и расквасили нос, и кончая Великой французской революцией, — виноваты в том Вольтер и Руссо. Я шучу? Да. Но в каждой шутке есть намёк.

Помните, в романе «Отверженные» у Виктора Хюго парнишка Гаврош напевает: «Все уроды в городе Нантер — виноват в том Вольтер, все ослы в городе Палезо — виноват в том Руссо!»

On est laid à Nanterre,
C'est la faute à Voltaire,
Et bête à Palaiseau,
C'est la faute à Rousseau.

И так далее — в том смысле, что на указанных философов сваливаются все грехи, лишь бы ваши обвинения и упрёки рифмовались с *Voltaire* и *Rousseau*. Так, Гаврош жалуется, что из-за Вольтера он не стал нотариусом (*notaire*), а по вине Руссо, *c'est la faute à Rousseau*, он, Гаврош, — птичка малая (*petit oiseau*).

Не берусь судить, сочинил ли сам Хюго эти рифмы для своего героя, услышал ли их на улице...

Подождите! — слышу, меня перебивают в недоумении: прославленного автора зовут Гюго, а вы нам про Хюго. Я издеваюсь? В принципе, по сегодняшней беседе — по её тону и, главное, по её содержанию, я могу отмахнуться: кто пишет на полном серьёзе про вокальный зал имени Вокса, кто про вдовствующую Вокс, организовавшую (уже после своей смерти) славное гульбище в Фоксхоле, кто про императора Николая Первого под Лондоном то ли на перроне, то ли в вагоне, кто приписывает французам несуществующее *facshall*, так почему бы и мне не сморозить чего-нибудь? Назову автора мизераблей Виктором Хюго. При желании, я, в отличие от авторов, сочинивших всё выше перечисленное, могу дать логическое объяснение своей выходке: во французском написании *Hugo* даже невооружённым глазом, даже без профессорских очков, видны две разные согласные буквы. Кто-то из наших давних переводчиков решил, что будет правильно передать их по-русски одинаково, одной согласной. Придерживаясь этого же переводческого принципа, я тоже сделаю из двух разных французских согласных одну русскую: у них Гюго, а у меня — Хюго!

Ладно, если без шуток, должно быть Хюго, как в оригинале, точно так, как английское *Hamilton* должно быть в переводе Хамилтон: леди Хамилтон;

композитора зовут не Гендель, а Хандель (Handel)... Когда я учился на английской филологии, при обсуждении разных переводческих принципов рано или поздно звучал затёртый пример из истории перевода про то, что писатель Хаксли — внук зоолога Гексли.

Как вы помните, Гаврош в романе «Отверженные» не успел допеть четвёртый куплет своей незатейливой песенки, а в куплете говорилось: упал я на землю — по вине Вольтера, оказался носом в канаве — по вине Руссо:

Je suis tombé par terre,
C'est la faute à Voltaire,
Le nez dans le ruisseau,
C'est la faute à Rousseau.

Роман Виктора Хюго вышел в 1862 году. Шутливые вирши с повтором *c'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau* имели хождение и в то время, и много раньше. Особенно ядовитое и звучное исполнение мы находим у Пьера Жана де Беранже. В марте 1817 года появилось заявление церковников, а именно парижских приходских священников (*vicaires-généraux de Paris*), в коем революция 1789 года, свержение монархии, казнь короля, якобинский террор, пришествие узурпатора Бонапарта, — все беды Франции сваливались на философов вроде Вольтера и Руссо с их республиканскими и атеистическими взглядами. Вспомним: и в России означенные французы признавались великими мыслителями, но после означенной революции вошло в употребление вольтерьянец, что подразумевало вольнодумец, безбожник, а то и бунтовщик.

В ответ на заявление приходских священников поэт-песенник Беранже разразился сатирическим стихотворением «*Mandement des vicaires-généraux de Paris*», весьма длинным, где перечислялись чуть ли не все людские несчастья со времён Адама с указанием виновных — Руссо и Вольтера. Их вина даже в том, что Ева соблазнилась плодом с запретного дерева, и в том, что Каин убил брата (Авеля).

Ève aima le fruit nouveau,
C'est la faute de Rousseau;
Caïn tua son frère,
C'est la faute de Voltaire.

Знающие люди подскажут, что припев с обвинением Руссо и Вольтера во всех мыслимых и немыслимых грехах имеет более давнюю историю: он придуман Жаном Франсуа Шапоньером (1769–1850), который в 1785 году отозвался сатирическими стихами на призыв клерикалов ко всем верующим не слушать Вольтера и Руссо...

Но какая связь с вокзалом? Действительно... Ах да! — я опять потерял мысль, а состояла она в том, что, вторя французам с их шутливыми выпадами против великих философов, я сделаю заявление, что *facshall* и содержатель Дево (*Devaux*) вклинились в русскую этимологию по вине Вольтера. К сожалению, у меня не получится выразить своё обвинение в складных рифмах.

Вклад господина Вольтера в русскую этимологию

В 1726 году Вольтер выехал, не по своей воле, из Франции в Англию, где пробыл два года, а по подсчётам других историков и биографов, и все три года — уточнять уже не будем, ибо мы знаем, что в исторической науке своя арифметика, с математической арифметикой не схожая. Будучи философом, Вольтер бросал пытливый взгляд на всё вокруг и со свойственной ему пронизательностью подвергал философскому осмыслению все стороны английской жизни. Будучи одновременно плодовитым литератором, он писал пространно и со свойственной ему иронией обо всём увиденном и услышанном. Так, его сильно озадачила английская орфография.

Например, английское *plague* (чума), слово из шести букв, произносится одним слогом, как *плейг*, тогда как часть этого слова, *ague*, как самостоятельное слово из четырёх букв со значением лихорадка, произносится двумя слогами: *эйгью*. Вольтер утверждал, что никогда не научится произносить английское слова, и тут же шутил, обыгрывая означенные *plague* и *ague*: пусть чума заберёт половину английского языка, пусть лихорадка разобьёт вторую его половину. Что-то вроде этого — игру слов переводить очень трудно.

В какой-то момент Вольтер вопрошает своих читателей: кто из них поверит, что *handkerchief* (носовой платок) произносится *ankicher*?

Понятно, что великий человек говорит умные вещи и одновременно тонко иронизирует. Понятно, что он несколько рисуется перед публикой. И английские слова он научился произносить, и английский язык в достаточной степени освоил — за два-то или даже за три года постоянного проживания в Англии и общения с англичанами. Наш вопрос вот каков: Вольтер написал *ankicher*, значит ли это, что нужно внести вольтеровскую остроумную штучку в словарь? Внести, зафиксировать, так сказать, с пояснением, что это форма существительного *handkerchief*, со ссылкой на Вольтера — такое-то произведение, год издания, такая-то страница. Нормальные лингвисты делать этого не станут. Однако в другом случае Вольтер написал *facshall*, и оное слово, им остроумно придуманное, не только повторяется нашими лингвистами, но на его основе ещё этимологические выводы делаются.

Составляя свой «Философский словарь», Вольтер язвит по поводу того, что в английском, как и в его родном французском, произношение сплошь и рядом не соответствует написанию. Потом он обращает внимание читателя на то, что заимствованные слова часто приобретают в чужом языке иное значение: «*C'est un défaut trop commun d'employer des termes étrangers pour exprimer ce qu'ils ne signifient pas*». Попробую перевести: «Распространённая ошибка, когда иностранные слова используются для обозначения того, что они не выражают». В качестве примера Вольтер приводит английское *bowlinggreen* — в Англии это лужайка для игры в шары (*gazon ou l'on joue à la boule*), а во французском стало *boulingrin*.

Здесь потребуются мои посильные объяснения: *boulingrin* по-французски — травяной газон в парке, с той особенностью, что он обрамлён фигурным геометрическим бордюром, например, из щебня. В наше время так называют и газон в регулярном парке, и игру в шары на газоне, при этом называя её чуть ли не старейшей в мире: «*Le boulingrin est peut-être le plus vieux de tous les jeux de boule*».

Действительно, английское *bowlinggreen* приобрело во французском иные значения.

Второй пример Вольтера: «*De l'habit de cheval riding-coat on a fait redingote*».

Здесь, как я понимаю, речь о том, что английское *riding-coat* (мужской плащ для верховой езды) превратилось у французов в *редингот* со значением... Насчёт значения придётся смотреть в справочниках, потому что, сравнивая по старым литографиям и рисункам женские *рединготы* разных годов, разных десятилетий и столетий, мы вряд ли усмотрим какую-то общность фасона, какую-то характерную особенность. Ограничусь тем, что приведу толкование из французско-русского словаря, составленного В.А. Эртелем и напечатанного в 1841 году: «*Redingote* — *редингот*, длинный широкий сюртук; одежда для путешествия или верховой езды; дамский капот на распашку».

Кстати, пока мы держим в руках словарь Эртеля, проверим заодно, есть ли в нём *воксал*. Ищем... и находим! — в написании *Waux-hall*, *Wauxhall* с объяснением: «*воксал*, публичное место, где бывают собрания, балы и всякого рода увеселения».

Снова возвращаясь к Вольтеру, мы читаем его критику по поводу того, что салон господина Дево в Лондоне, называемый вокс-хол, переделали в Париже в факс-хол: «Du salon du sieur Devaux à Londres, nommé vaux-hall, on a fait un facts-hall à Paris».

Вот где собака зарыта! То есть вот где Я.К. Грот обнаружил господина Дево — в «Философском словаре» Вольтера. Обнаружил и упомянул в связи с вокзалом в своих «Филологических разысканиях». Сначала Я.К. Грот, напомним, повторяет общеизвестное: «Собственно английское Vauxhall — название первоначально деревни близ Лондона, впоследствии сада в этом городе». Потом он упоминает другое мнение, не называя Вольтера, и вольтеровское «салон» у него опущено, так что Дево воспринимается не как хозяин салона с названием vaux-hall, а как содержатель деревни и сада: «название лондонского общественного учреждения произошло от имени содержателя его Devaux». Как ни поворачивай, оно утверждение, при всём уважении и к Вольтеру, и к Гроту, никак не соответствует действительности. Оно не соответствует даже ни одной из выдумок по поводу английского Воксхола и русского вокзала, ибо ни один выдумщик про Дево не пишет.

Только у Вольтера фигурирует означенный господин, чьё имя только с некоторой натяжкой, в форме de Vaux, можно соотнести с Vauxhall. Быть может, Вольтер, проживая в Англии, не разменивался на посещение гульбищ? Но ведь не может быть, что он даже и не слышал о славном увеселительном парке Воксхол? Остаётся только гадать. И что такое парижский факсал — ибо так должно звучать вольтеровское facts-hall? Напоминаю, что у Билфелда, который в те же годы писал по-французски о самых известных европейских гульбищах, мы видим Fox-hall, французский поэт Жильбер использует для парижских увеселительных заведений Vaux-hall... Нет, очень непонятно выразился господин Вольтер. И языковеды обходили молчанием это его этимологическое открытие, они целых сто лет отмалчивались, делая вид, что или не видят facts-hall, или оно словечко всем понятно и не требует объяснения. «Философский словарь» появился в 1764 году, и только в 1874 году господин Литтре вдруг решил объяснить французам — не в справочнике, а в толковом словаре, что такое Vauxhall, при этом он взял для солидности примеры из великих французских литераторов. Правда, он слегка подправил, как мы видели, грамматику в цитате из Руссо и подправил написание в цитате из Жильбера — подгоняя их под своё толкование. Всю этимологию филолог Литтре в своём толковом словаре построил для солидности на высказывании великого Вольтера: «Étymologie: Angl. hall (salle), et Devaux, nom d'un particulier qui avait un salon à Londres, ainsi qu'on le voit par cette phrase de Voltaire, qui écrit facts-hall: Du salon du sieur Devaux à Londres, nommé vaux-hall, on a fait un facts-hall à Paris, Dict. phil. Français, II».

Подождите... А чего тут ждать? У наших филологов вокзал идёт от некой Джейн Вокс, имевшей увеселительный сад, а у французского философа Вольтера и французского филолога Литтре воксхол восходит к Дево — некоему частному лицу, имевшему в Лондоне какой-то салон: un particulier qui avait un salon à Londres. К имени Devaux, очевидно, в какой-то момент приделалось hall, что по-английски зал, и получилось... Сначала должно было получиться Devauxhall. А дальше: как и почему из Devauxhall образовалось vaux-hall? А дальше, как написано у Н.В. Гоголя в фантастическом произведении «Нос»: «всё скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно».

Советы хороших философов плохим писателям

Вольтер считал, что языковые искажения, или коверкания (les expressions vicieuses), появляются по неграмотности: людское невежество (l'ignorance du peuple)

вводит их в моду, потом, подхваченные плохими писателями (*mauvais auteurs*), они перекочёвывают в газеты (*gazettes*) и фельетоны (*écrits publics*).

Я перевёл сейчас *écrits publics* как фельетоны, но не в современном смысле, я имел в виду фельетоны как памфлеты — в том смысле, который слово памфлет имело в эпоху Вольтера, применительно к таким злободневным статьям, какие писал, например, Джонатан Свифт. Какое бы русское слово мне применить, избегая французского *feuilleton* и английского *pamphlet*? Вслед за А. С. Пушкиным, который вставил в художественное произведение французское *du comme il faut* и английское *vulgar*, не подыскав для них подходящих русских соответствий, придётся и мне признать сокрушённо своё бессилие и извиниться перед памятью А. С. Шишкова, ревнителя русской словесности: «Шишков, прости, не знаю, как перевести».

Кстати, мне могут указать, что я не совсем точно или совсем неточно перевёл вольтеровское *les expressions vicieuses*, у меня «коверкания», а надо, мол, говорить о неправильных оборотах, как в большом французско-русском словаре. И мне могут возразить: Вольтер с долей презрения отзывается о писаниях, названных им *écrits publics*, так что идёт речь, скорее всего, не о памфлетах в стиле Свифта, а о листовках, брошюрках, простонародных книжках — о лубочной литературе.

К чему я устраиваю критический разбор своего же перевода? К тому, что Вольтер судит строго и легко объясняет неправильные обороты людским невежеством и модой на иноплеменные словечки, но даже подготовленным переводчикам, литераторам, языковедам с достаточным запасом опыта и знаний не всегда удаётся уловить смысл иностранного слова и подобрать ему точное соответствие в своём языке. При этом не исключены и искажения смысла. Не исключены и ошибки.

Сам Вольтер сильно ошибся, когда, рассуждая в целом об английском правописании, приводит неубедительный частный случай: он утверждает, будто английское *handkerchief* (носовой платок) произносится *ankicher*. Подобное написание отражает только простонародную речь — так образованный человек передаст на письме выговор лондонского простолюдина (с утратой начального согласного). Это пример диалекта, и не более. Диалектных и жаргонных искажений, подобных приведённому *ankicher*, в любом языке наберётся на несколько увесистых томов. В романе «Our Mutual Friend» Чарльз Диккенс использует *hankecher*, ещё одно коверкание носового платка, для характеристики своего литературного героя, лодочника на Темзе: тот неграмотный, не умеет читать, говорит с большими отступлениями от языковой нормы и правильной грамматики: «*This is them two young sisters what tied themselves together with a handkecher*».

Вольтер строг и категоричен — хорошие писатели не забывают бороться с коверканиями: «*Les bons écrivains sont attentifs à combattre les expressions vicieuses*». Мысль, конечно, правильная, и, как мы знаем, все подряд борются за чистоту своего языка... Но тогда наш великий А. С. Пушкин — плохой писатель? Он оставил без перевода *comme il faut* и *vulgar*, в его произведениях есть панталоны, фрак, жилет, боливар, бульвар и прочие словечки, на тот момент новомодные, а, по суждению Вольтера, подобная модная иностранщина подхватывается посредственными писателями.

А что собственно, я хотел сказать, для чего вспомнил сейчас мудрое высказывание философа Вольтера? Я хотел высказаться, собственно, только насчёт составления словарей. Кому угодно позволительно писать, что ему угодно и как ему угодно, давать кому угодно какие угодно полезные советы, можно философствовать по поводу отдельных слов и по поводу сразу всех языков, но нет необходимости вносить в толковые словари всё, что промолвили или написали те или иные литераторы, и большая ошибка подкреплять словарные значения цитатами из тех или иных литераторов, пусть даже самых лучших. Если филолог берёт на себя смелость

составить словарь, он и должен объяснить публике доходчивым языком, просто и понятно, коротко и однозначно, что такое вокзал, что такое фрак, что такое фельетон, не приплетая цитаты из поэтов, прозаиков или философов, которые, желая попасть в разряд оригинальных стилистов, всячески работают с языком, подчас сильно переиначивая смысл слов, иногда придумывая для оригинальности совершенно новые слова и обороты. Бывают и такие случаи, какой мы наблюдаем сейчас с вольтеровским *facshall*: автор критикует бездумное заимствование иностранных слов, он по-своему изобразил, как в Париже понимают и произносят английское *vauxhall* (откуда бы оно ни появилось в английском языке). Но вот филолог Эмиль Литтре через сто лет после Вольтера вставил коверкание, один раз использованное Вольтером, в свой четырёхтомный словарь и этим необдуманном движением он, как говорится, закрепил его во французском языке. Как мы наблюдаем, это нелепое *facshall* закрепилось теперь и в наших этимологических словарях.

В очередной статье у очередного литературоведа я читаю о необходимости бороться за чистоту русского языка, и в этой же статье звучит хвала А.С. Пушкину, который метко использовал иностранные выражения, в частности *comme il faut*, для характеристики персонажей, для передачи той атмосферы, которая существовала в тот период... То есть Пушкин выводится из числа плохих литераторов, засорявших русский язык модной иностранщиной.

Мне могут сказать, что у Пушкина нет коверкания, о котором пишет Вольтер, приводя *gedingote* и *boulingrin* в качестве примера на искажение смысла. У Пушкина фрак и жилет значат то же, что французские *frac* и *gilet*. Согласен. Но вот картёжные термины в «Пиковой даме» — именно модный жаргон с искажением первоначального смысла. Французское прилагательное *simple* превратилось в существительное *семпель*, жаргонизм, понятный только картёжникам пушкинского времени, играющим в ту разновидность штосса или фараона, которая на тот момент была популярна, с теми правилами, которые не совпадали с правилами этой же игры в других странах и могли отличаться по разным русским городам и игорным заведениям. И по прошествии небольшого и особенно большого времени читатель нуждается в объяснениях — которые, однако, сбивают его с толку, даже когда ему объясняют люди очень даже сведущие, включая пушкиниста Ю.М. Лотмана и филолога В.В. Виноградова. Ибо у Лотмана *семпель* — один простой куш, в словаре Д.Н. Ушакова это простая полная ставка на карту, у Виноградова ставить *семпелем* (*simple*) — о простой, неудвоенной ставке. Все слова в сих пояснениях нам понятны. Смысл *семпеля* непонятен.

Слово *sonica*, появившееся во французском неизвестно откуда, использовалось крайне редко — как наречие со значением в точности, как раз (*précisément*), именно ([justement](#)). У Ж.-Ж. Руссо *sonica* значит сразу, когда он пишет: «L'avis que cette résolution sera mise à exécution *sonica*...» (Мнение, что это решение будет приведено в исполнение сразу же...) А в наших словарях, справочниках или примечаниях к пушкинским произведениям мы читаем о существительном *соника*. Ещё И. И. Татищев писал по поводу *sonica*: первая карта, которая выиграет или проиграет, *соника*. С французским примером: *Il a gagné sonica*. Татищев уж точно знал французский, он не мог не видеть, что *sonica* (без артикля) — никак не существительное, а наречие, но он пишет первая карта, поскольку это искажение было в ходу у русских картёжников. Непродуманное, неточно высказанное определение задаёт тон последующим толкованиям. В.В. Виноградов в комментариях к «Пиковой даме»: «Выиграть *соника* (франц. *sonica*, *gagner sonica*) — выиграть на первой карте». На какой именно первой карте, на чьей первой карте? Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» пишет: «Выиграть с первой же карты (сорвать банк) — выиграть *соника* (с *оника*)». Как я понимаю, здесь предлагается иная версия о происхождении *соника*. Однако слово

неизвестного происхождения, *sonica* присутствует, именно в таком написании, в пятом издании «Словаря Академии Французской». Хорошо, пусть будет хоть «с оника», только всё равно это наречие, о чём напомнил в своё время М.И. Михельсон в «Большом толково-фразеологическом словаре»: «*Sonica* (франц., наречие) — сразу, тотчас. Ср. *Il a gagné sonica* — он выиграл с первого абцуга, по первой вскрышке карты». Не берусь судить, так ли это было в карточных играх пушкинского времени, но михельсоновское «выиграть с первого абцуга» имеет смысл и понятно: как только банкомёт начал метать, в первой же паре карт, выложенных на стол, вы и все видите ту карту, на которую вы поставили деньги, и она легла именно в ту сторону, которая приносит вам выигрыш. Три сведущих человека по-разному понимают пушкинскую фразу. Что тогда говорить о простом читателе? Выиграть с первого абцуга — не то же, что сорвать банк, и не то же, что выиграть на первой карте.

Там же, в «Пиковой даме», мы спотыкаемся на мирандоле... Или это только я спотыкаюсь? Для меня это слово неизвестного происхождения, неизвестно из какого языка с непонятным смыслом. Но другие уверенно пишут, что это французское заимствование, а смысл нам объясняет, например, Ю. М. Лотман: «Играть одними и теми же кушами, не увеличивая ставки, — играть мирандолом». В.В. Виноградов пишет почти то же самое: «Играть мирандолом — играть одними и теми же скромными кушами, не увеличивая ставки». Только прилагательное скромный добавляет неопределённости в толкование: что считать скромным кушем? Для кого-то рубль скромная сумма, для кого-то тысяча рублей. А если обратиться к объяснениям В. И. Чернышёва, у него играть мирандолом: «Понтёр ставил одинаковые ставки на две карты».

Мирандоль, семпель, руте, соника — пример тех самых коверканий, о которых написал в своё время Вольтер. Привнесённые в нашу речь с искажением оригиналов, которые или с трудом или совсем не восстанавливаются, коверкания, ставшие модным жаргоном, не следует переносить в художественное произведение. Они придают колорит, они звучат живо и естественно в репликах у тех же пушкинских игроков в «Пиковой даме», но карточный жаргон был понятен только кругу людей, которые в тот период играли в ту разновидность карточной игры, которую описывает Пушкин. Позже другие люди играли уже в другие игры с другими правилами, используя часть предыдущих коверканий в ином смысле, вводя новые словечки... И по прошествии лет хороший писатель, хотя и остаётся почитаемым, но становится менее читаемым. Вы сами не заметили? — Пушкина больше почитают, чем читают.

Великолепное Тиволи и казармы с комнатой для сбора пассажиров

В 1836 году, доказывая, что Царскосельская железная дорога необходима, австрийский инженер Франц фон Герстнер написал пространное обоснование. Он напечатал его большим тиражом под заголовком «О выгодах построения железной дороги из Санктпетербурга в Царское село и Павловск». Двадцать тысяч экземпляров предназначались для раздачи всем желающим безденежно. Конечно, Герстнер, прежде всего, напирал на экономические выгоды, ибо нужно было привлечь как можно больше акционеров: для них приводились подробнейшие расчёты и подсчёты — с учётом уже действующих дорог в Европе и Северной Америке. А что пообещать широкой публике, для которой технические выкладки не представляют большого интереса? Широкою публику тоже нужно было чем-то заранее привлекать, ибо Герстнер понимал: ездить в Царское Село ещё наберётся желающих, а вот на отрезке пути в более дальний и менее обжитый Павловск как бы не возникли убытки. В своём, в целом техническом, обосновании инженер Герстнер прибегает к доводам сродни философским

рассуждениям барона фон Билфелда о необходимости вольных гульбищ, кои способствуют к веселию и к здоровью жителей.

Герстнер пишет замечательно: «Здоровье есть первое и высочайшее благо каждого человека <...> Посему, не справедливо ли будет утверждать, что ни в одной Европейской столице жители не имеют такой нужды в проведении лета за городом, как в Петербурге?»

Согласитесь: очень здоровое рассуждение применительно к Санкт-Петербургу, умышленному городу, возникшему по воле и прихоти сумасбродного царя на болотистой местности с нездоровым климатом.

Однако от горожан, озабоченных здоровьем, своим и семейным, нельзя было ждать тех расходов и для железной дороги полезных доходов, какие могли поступить от желающих выехать за город для публичных увеселений и развлечений. Им Герстнер обещает всевозможное великолепие, изящество, угощение: «Тысячи пассажиров будут ездить туда не только летом, но и зимою <...> После скорой езды и освежения на воздухе найдут они в великолепной, со всем изяществом устроенной гостиннице прекрасное и недорогое угощение <...> На конце железной дороги устроится новое Тиволи, прекрасный воксал: он и летом и зимою будет служить сборным местом для столичных жителей; игры и танцы, подкрепление сил на свежем воздухе и в роскошной столовой привлекут туда всякого».

Надеюсь, всем понятно, что Тиволи и воксал используются здесь в значении увеселительное место, и что воксал отнюдь не значит станционное здание. Ниже Герстнер снова подчёркивает привлекательность Павловска как место будущего Тиволи:

«В Царское Село будет привлекать посетителей присутствие Высочайшего Двора, а в Павловск романтическое местоположение и Тиволи <...> Париж, Вена, Мюнхен, почти каждый большой город имеет своё Тиволи, Лондон свой воксал, который блеском и великолепием соперничает со всеми подобными заведениями. Только в Петербурге ещё не было по сию пору Тиволи: но оно скоро возникнет».

Напомню, что по ту пору разного рода фоксалы, воксалы в России, в частности, в Петербурге, и раньше устраивались. Так или иначе, Герстнер озаботился строительством Тиволи в Павловске не меньше, чем сооружением самой Царскосельской дороги. Выписывая из Англии и Бельгии машины, то есть паровозы, шины, то есть рельсы... Шины — рельсы? Да, так называл их австриец Герстнер, исходя из немецкого Schiene (рельс). Заказывая необходимое железнодорожное оборудование, полностью заграничное, Герстнер держал в голове, что для Павловского воксала понадобится насос для подачи воды, в том числе в фонтаны, и хорошо бы заказать в Англии аполлоникон — автоматический орган, последнее достижение техники на благо музыкального искусства... В смете на строительство воксала отводилось 200000 рублей. Понятно, почему тогдашний министр финансов Е.Ф. Канкрин хотя и не противодействовал, но весьма не сочувствовал строительству Царскосельской дороги. Окупится ли вся эта роскошь, изящество, фонтаны... И что там ещё? Аполлоникон? Только аполлоникона нам не хватало для полного разорения казны...

Да, так как назывались у Герстнера остановки, какое он использовал слово для станций, перронов, для того, что мы называем сейчас вокзалами? У Герстнера они пока никак не назывались. Вернее, пока что он пишет о казармах: на железной дороге через каждые две версты планировались казармы — строения для рабочих, для путевой бригады, как мы сейчас говорим, из десяти-пятнадцати человек, и в каждой казарме «должна быть просторная комната для сбора пассажиров». Такие комнаты мы называем теперь залом ожидания. А конечные станции у Герстнера — конечные пункты. По

поводу конечного пункта в Петербурге мы читаем в книге, выпущенной к столетию Павловска (1877): «Первоначальная станция была деревянная, весьма неприглядная <...> Толпы народа сбегались на Семёновский плац и дивились машине, которая, даже для среднего класса, была невидальщиною».

Итак, в Петербурге, в том месте, где сейчас Витебский вокзал, — весьма неприглядная станция, которая у Герстнера фигурирует просто как сборное место. На сборные места в столице и в Царском Селе он положил в своих выкладках 60000 рублей, на казармы — 110000 рублей, а на павловское Тиволи, напоминаю, двести тысяч!

Герстнер доводит до сведения публики, как продвигается строительство железной дороги и как возводится здание в Павловске, и это вовсе не сборное место для пассажиров, а дорогостоящее великолепное гульбище, которое, как мы читаем во «Втором отчёте об успехах железной дороги из Санктпетербурга в Царское Село и Павловск», предназначено «для приёма лучшей Петербургской публики, и строится посреди прелестного Павловского парка Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича <...> Оно строится полукружием на протяжении в 350 футов, и состоит из круглого зала 35 футов в поперечнике, из большого зала <...> этот зал назначается для балов, концертов, и вместе столовою; по сторонам два меньшие зала <...> далее два зимних сада, в обоих флигелях 40 жилых комнат для найма, и 12 комнат для хозяина гостиницы с прислугою».

Пока здание строится, его чаще называют гостиницей. Это будущий Павловский музыкальный вокзал. Но это никак не железнодорожная станция. Выпишем ещё одно предложение из «Второго отчёта»: «От железной дороги ведёт в этому дому галерея в 32 сажени длиною и 2 сажени шириною, дабы приезжающие не встречали неудобства от дождя или снега. Другая круглая галерея, в 40 сажень длиною, идёт около двух флигелей...»

Ещё раз повторяю и даже, извините, втираю: гостиница, она же вокзал, была построена рядом с конечной остановкой Царскосельской дороги, в непосредственной близости от железнодорожной станции, и вокзал был задуман именно как гульбище, которое должно привлечь в Павловск посетителей, как приманка, дабы, выражаясь современным канцелярским языком, увеличить пассажирооборот первой русской железной дороги.

А как же быть с утверждением в Большой советской энциклопедии, что вокзал в Павловске служил одновременно пассажирским зданием и залом, где давались концерты? Энциклопедию писали люди, а людям свойственно ошибаться. Мало ли что пишут и печатают чёрными буквами на белой бумаге. Это же не каменные Моисеевы скрижали, на которых Иегова собственноручно, собственным перстом, начертал раз и навсегда свои заповеди, не подлежащие пересмотру, редактированию и, упаси боже, опровержению.

Когда увеселительный вокзал стал железнодорожным вокзалом?

А действительно, когда, с какого времени «вокзал» стали использовать в значении «путевой двор», или, что нам понятнее, «железнодорожная станция»? Кто бы нам рассказал об этом по прошествии ста пятидесяти лет, вместо того, чтобы переписывать друг у друга про английскую вдову Джейн Вокс, не причастную ни в Воксхольскому увеселительному саду, ни к заимствованию воксала в русский язык. А.К. Шапошников сообщает — помните, мы зачитывали из его «Этимологического словаря»: «Первое употребление слова в современном значении паровозы будут ходить отправляясь от воксала в Павловске отмечено в «Спб. Ведомостях» за 18. 02. 1837». Это не соответствует действительности. В феврале 1837 года Царскосельская дорога

ещё строится, до её официального открытия ещё более полугода, и конечная остановка в Павловске отнюдь не была вокзалом в современном значении.

В книжке «Указатель Павловска и его достопримечательностей», выпущенной в 1843 году, нет железнодорожной платформы, ибо это не достопримечательность, а есть воксал: «Павильон или воксал, деревянный, на каменном фундаменте, обширный, отличающийся приятной наружностью. Он расположен полукружием и фасадом своим обращён в сад. Воксал состоит из круглой прихожей залы, назначенной для балов, концертов и обеденного стола, из двух меньших зал, двух зимних садов и сорока комнат, расположенных в двух флигелях, которые отдаются внаймы приезжающим <...> С открытием весны, все галереи и площадка перед ними наполняются группами гуляющих, большую часть приезжающих из столицы».

Вы настаиваете, что здесь описывается не гульбище, а железнодорожная станция? И с открытием весны наезжает публика, чтобы по этой железнодорожной станции погулять?

Выше я говорил: в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 год) воксал имеет одно значение: «Воксал — зала для собрания танцующих и играющих в карты». В «Толковом словаре» В.И. Даля: «Воксал — сборная палата, зала на гульбище, сходбище, где обычно бывает музыка». Я выписал определение из второго издания далевского словаря — напечатано в 1880 году. Если воксал уже в 1837 году называли вокзалом в современном значении, станцией, откуда ходят паровозы, как утверждает П.Я. Черных, к 1880 году это значение уж точно попало бы в словари, его кто-нибудь из филологов уж точно бы зафиксировал. Но первая фиксация этого значения относится лишь к 1891 году: в академическом «Словаре русского языка», в первом томе, «воксал» имеет, кроме значения «гульбище», ещё и значение «путевой двор».

Понятно, что в филологии, в том числе в этимологии, нужно дожидаться, пока дипломированные филологи, посоветовавшись в своём узком филологическом кругу, не зафиксируют то или иное слова в какой-либо филологической публикации, потом, посоветовавшись, вставят его в какой-либо словарь, и только тогда можно будет обоснованно говорить о происхождении слова, о его значении и употреблении. Всё же позволю себе высказать обывательское мнение, тем более что оно ничего не меняет, не решает и никого не оскорбляет: за двадцать лет до филологических академиков Ф.М. Достоевский зафиксировал, так сказать, «воксал» в значении «железнодорожная станция» в романе «Идиот». Главный идиот... прошу прощения, главный герой, князь Мышкин, впервые приезжает в Петербург по железной дороге. Его попутчик, Лебедев, сообщает, выглянув в окно:

«— А вот и приехали!

Действительно, въезжали в воксал...»

Понятно, что не в гульбище и не в сходбище поезд прибыл, не в парк культуры и отдыха. Во второй части романа автор пишет: «На другой или на третий день после переезда Епанчиных с утренним поездом из Москвы прибыл и князь Лев Николаевич Мышкин. Его никто не встретил в воксале». Понятно, что на железнодорожном вокзале не было встречающих. Как-то, собираясь из города в Павловск, князь и билет купил, и почти сел в поезд, но вдруг... «Почти уже садясь в вагон, он вдруг бросил только что взятый билет на пол и вышел обратно из воксала».

Если я не ошибаюсь, в те годы, во второй половине XIX века, Царскосельский вокзал был уже не одноэтажным деревянным строением, как при Герстнере, а основательным каменным сооружением — из него-то и вышел князь Мышкин.

Однако когда Ф. М. Достоевский пишет об ужасной оргии в Екатерингофском воксале, следует понимать, что Рогожин со своей компанией кутил в Екатерингофском парке, в этом известном петербургском гульбище.

Итак, в то время, когда создавался «Идиот» (1868–1869 годы), воксал имел уже два значения. Поскольку события часто происходят в Павловске, писатель в какой-то момент считает нужным дать уточнение, чтобы не спутать железнодорожную станцию с музыкальным воксалом: «Возвращаясь в Павловск уже в пятом часу пополудни, он сошёлся в воксале железной дороги с Иваном Фёдоровичем». Если же кто-то пришёл или приехал на музыку, тогда подразумевается увеселительное заведение, воксал музыкальный. Так, князь восклицает, обращаясь к Рогожину: «Бьюсь об заклад, что ты прямо тогда на чугунку и сюда в Павловск на музыку прикатил и в толпе её точно так же, как и сегодня, следил да высматривал». Ради кого прикатил Рогожин по чугунке, кого высматривал на музыке в Павловском воксале? Понятно, что Настасью Филипповну, роковую женщину.

Добавим к дневниковой записи Карамзина о посещении лондонского Воксхола описание Павловского воксала из романа «Идиот»: «В Павловском воксале по будням, как известно и как все по крайней мере утверждают, публика собирается избраннее, чем по воскресеньям и по праздникам, когда наезжают всякие люди из города. Туалеты не праздничные, но изящные. На музыку сходитья принято. Оркестр, может быть действительно лучший из наших садовых оркестров, играет вещи новые. Приличие и чинность чрезвычайные, несмотря на некоторый общий вид семейственности и даже интимности. Знакомые, всё дачники, сходятся оглядывать друг друга. Многие исполняют это с истинным удовольствием и приходят только для этого; но есть и такие, которые ходят для одной музыки <...> На этот раз вечер был прелестный, да и публики было довольно. Все места около игравшего оркестра были заняты. Наша компания уселась на стульях несколько в стороне, близ самого левого выхода из воксала...»

Помните, в какой-то момент в лондонском Воксхоле публику предупредили: «Берегите карманы!» — ибо в гульбище промышляли карманные воришки. Те самые, которых, по совету барона фон Билфелда нужно вылавливать и со всей строгостью наказывать. Присутствие полиции требовалось и в Павловском вокзале... Какой же Достоевский без нарушения тишины и спокойствия, без оргии или скандала, без преступления и полиции? То есть, я хотел сказать: какое же гульбище без всего перечисленного? Не каждый день, но время от времени является в парк культуры и отдыха, на его танцевальную или концертную площадку, какая-нибудь шумная компания: они явно заявляют себя, говорят громко, смеются, многие и хмельные, женщина из этой компании цепляется к кому-нибудь из публики — ради скандала, а кто-то считает, что надо бы её просто хлыстом отстегать, иначе ничем не возьмёшь с этой тварью, но вдруг он сам получает от этой твари удар тросточкой по лицу! Вот вам и скандал, вот уже и полиция подходит — с некоторым опозданием, дабы никуда зря не ввязываться и ни с кем зря не связываться...

Если ссылки на путеводитель по Павловску и на литературное сочинение Ф. М. Достоевского не кажутся убедительными для настоящих филологов, обращаю их внимание на справочное издание «Весь Петербург в кармане» (1851): в нём есть Царскосельская железная дорога и Петербургская железная дорога, но для вокзалов используется только слово станция. В справочнике «Адрес-календарь на 1881 год» указаны адреса городских станций означенных железных дорог... И, повторяю, только если взять словарь 1891 года, а именно «Словарь русского языка», составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, в первом томе указанного лексикона, воксал, уже в написании вокзал, имеет два значения: «Вокзал (англ.

Vauxhall) 1. Место публичных увеселений. 2. Путевой двор, дебаркадер, строение, где собираются пассажиры для отъезда».

Первый том, как я понимаю, готовил к печати Я.К. Грот. Он не счёл нужным переносить в академическое издание бездоказательное мнение Вольтера о господине Дево и *facshall'e*, мнение, которое Грот обнаружил во время своих филологических разысканий. Для чего сегодня вернули к жизни, или, как говорят сейчас образованные люди, для чего реанимировали это нелепое *facshall*, засоряющее теперь русские этимологические словари?

Оплеуха от академиков

Франц фон Герстнер, не шарлатан-прорицатель, а человек с техническим складом ума, не ошибся, предрекая приток петербургских жителей в Павловск после постройки Тиволи. Да, стали приезжать — кто на увеселения в Павловском воксале, кто просто прогуляться в Павловском парке, и дачников становилось всё больше и больше. Лучшее всего о стремлении городских жителей провести лето в Павловске сказано устами господина Лебедева в романе «Идиот»: «И хорошо, и возвышенно, и зелено, и дёшево, и бонтонно, и музыкально, и вот потому и все в Павловск».

У Карамзиных была дача в Царском Селе, и летом 1839 года его дочь Софья, она же Софи для близких друзей, пишет подруге: «В четверг у нас была Плюскова <...> мы повели её в Павловск, на вокзал, где я провела два очень приятных часа, прохаживаясь и болтая с Шевичами, Озеровыми, Репниным и Лермонтовым...»

Подождите, я что-то не то выписал, я не отсюда повторяю и ввожу вас в заблуждение. Должно быть не на вокзал, а в воксал! Здесь та же ошибка, о которой я говорил в самом начале своего очерка: Штраус, король вальса, музицировал не на вокзале в Павловске, а в Павловском воксале, и здесь дочь прославленного русского историка не по вокзалу прогуливалась в компании с прославленным поэтом Лермонтовым. Извините ещё раз за мою оплошность. Ко всему написанному и напечатанному надо относиться с долей недоверия — ибо печатают, я снова вспоминаю слова Н.В. Гоголя, много несообразностей. А вроде бы и к надёжному источнику я обратился за цитатой — не из газетки списал, а из научного, вроде бы, труда, посвящённого творчеству великого нашего Лермонтова, и сей труд вышел в серии Великие исторические персоны, с указанием, что это вклад издательства в Культуру и науку.

Для проверки возьмём письмо С.Н. Карамзиной в оригинале, как оно написано по-французски: «Jeudi nous avons eu toute la journée Mlle Pluskoff <...> nous l'avons mené au Vauxhall de Pavlovsky, où j'ai passé deux heures très agréablement à rôder et à babiller avec les Schevitch, les Oseroff, Repnin et Lermantoff».

Почему мне вспомнилась именно Софи Карамзина? В связи с Лермонтовым? Нет, я хотел показать, как Софья Николаевна, человек образованный, — именно образованный, а не как другие, кто не без образования, — уверенно передаёт русское воксал английским словом Vauxhall. Она с друзьями повела мадемуазель Плюскову в Павловский воксал (au Vauxhall de Pavlovsky)...

Я понимаю, что сделал сегодня немало выпадов против устоявшихся мнений, и как будто уличаю то одних, то других в невежестве, так что мне могут уже и не верить. Поэтому сейчас я не буду навязывать свой перевод, а сошлюсь на исследование В.А. Мануйлова и его коллег, людей, которые, как мне кажется, знали достаточно о Лермонтове и его окружении; в исследовании напечатаны письма С.Н. Карамзиной в оригинале, и вот эта же строчка из её письма от 6 августа 1839 года — повторяю, не в моём переводе, а как перевели в своё время наши признанные лермонтоведы: «В четверг целый день у нас была М-ль Плюскова <...> мы повели её в Павловский воксал,

где я очень приятно провела два часа, гуляя и болтая с Шевичами, Озеровыми, Репниным и Лермантовым».

Чуть ранее, 24 июля 1839 года, С. Н. Карамзина пишет: «Le soir nous sommes tous allés au Vauxhall de Pavlovsky»... Впрочем, хватит о Павловском воксале. Оказывается, он не имеет вообще никакого отношения к истории слова вокзал. Как же так? — ведь я, автор этого очерка, целый час доказывал эту связь, целый час распинался... Но что такое моё личное мнение перед авторитетом академических кругов? Академических в области лингвистической науки, я имею в виду. После выше указанных этимологических и прочих лексиконов я обратился к «Толковому словарю русского языка», к тому, что составлен в совершенно академических стенах, в совершенно лингвистическом отделении Российской академии наук, к изданию, где и ответственный редактор — лингвистический академик, и в оном словаре написано: «Вокзал — от англ. Vauxhall — название парка, и место увеселений под Лондоном по фамилии владелицы Дж. Вокс (Vaux) + hall (зал); в русском языке слово претерпело фонетические изменения в результате сближения с зал, а также изменилось по смыслу».

Так что Царскосельская дорога с её станциями и гульбище в Павловске — ни при чём, вокзал произошёл от Джейн Вокс. Мне сообщали об этом разные языковеды и краеведы, а я, Фома Неверующий, пытался возражать. Но теперь, когда меня прихлопывают вслед за авторитетной Большой советской энциклопедией авторитетным «Толковым словарём русского языка», продолжать разговор с моей стороны будет просто глупо. Если, например, на учёном совете все члены совета говорят вам, что земля плоская, зачем же вам одному упираться, тем более бить себя в грудь: нет, она круглая и ещё при этом вертится! Смирение — к нему и христиане призывают, и Ф.М. Достоевский в своё время посоветовал: смирись! — и даже Чарльз Дарвин говорил, пусть не прямо, но косвенно именно об этом: подлаживаться нужно под большинство, ибо только те и выживают, кто приспособливается.

Говорящая рыба и ошастливленный безногий англичанин

Отставив лингвистические разыскания, лучше, ей-богу, прогуляться. Хорошо бы в Павловск съездить, тем более что Витебский вокзал, городская станция Царскосельской дороги, находится рядом с Измайловским проспектом, где я живу. По плану Герстнера, сборное место для пассажиров предполагалось строить на Фонтанке, однако, денег на капитальное здание сразу не хватило, построили временную станцию на Семёновском плацу.

Вместо Павловска можно просто по Фонтанке пройти — за углом от нас Державинский дом, в Измайловском парке можно на скамейке посидеть. А дальше по Фонтанке, за проспектом, бывшим Обуховским, бывшим Забалканским, бывшим имени Сталина, мы видим большой жёлтый дом, в нём больница. Когда-то дом был жёлтым не только в смысле цвета, но и в смысле сумасшедший. Сюда, как пишет А.С. Пушкин в последних строках «Пиковой дамы», отвезли несчастного Германна: «Германн сошёл с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!». Не берусь утверждать, в каком именно флигеле, в каком именно строении и отделении лечили тогда умалишённых. В чём состояло лечение, мы читали в «Записках сумасшедшего» у Н.В. Гоголя. Говорят, что Поприщина, главного героя, который как бы и составил «Записки», тоже сюда поместили, в Обуховскую больницу.

В самом начале произведения, когда Поприщин ещё мелкий чиновник, а не король испанский, он, будучи ещё в здравом уме, как-то вычитал в газетах, что «в

Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что учёные уже три года стараются определить и ещё до сих пор ничего не открыли».

К чему это я? Уж не выпад ли против каких наших учёных языковедов? Нет, боже упаси, я только потому вспоминаю, что в своё время я учился на английской филологии, поэтому обращаю внимание на всё, связанное с Англией. И в связи с этой рыбой, над словами которой три года бились лингвисты, — видимо, только английские, без нашего участия, у меня возник вопрос: Николай Васильевич сам придумал сей анекдот или где-то прочитал в периодической печати, например, в «Северной пчеле», и вставил удачно в рассуждения Поприщина? Вы считаете, что такого не могли нигде всерьёз напечатать? Как сказать, как сказать... В Англии однажды объявилась женщина, которая рожала кроликов, так про неё не только в разных ведомостях, про неё в серьёзных медицинских журналах серьёзные медики научные статьи писали — в том числе медики королевские. И было это не в тёмные Средние века, а в первой половине XVIII века. По поводу рыбы Поприщин сообщает, что об этом говорят, а по поводу следующего события он определённо ссылается на средства массовой информации: «Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю».

Я издаваюсь? Отнюдь нет. Если женщина кроликов рожала, почему бы и коровам не купить себе чаю? Помните, я начал рассказывать про английскую красавицу с деревянной ногой и молодого человека, готового ради неё и себе ногу отрезать? Я зачитывал слово в слово, как в «Санкт-Петербургских ведомостях» чёрным по белому напечатано. В своё время я ходил в газетный зал Российской национальной библиотеки, заказывал подшивки старых английских газет и старых русских газет, листал их, выискивая разные сведения про Англию. При этом я ловил себя на мысли, что мне хотелось бы наткнуться на публикацию о говорящей рыбе, на статейку о двух коровах в лавке — разыскать, так сказать, первоисточники.

Пожалуй, под впечатлением наших лингвистических разысканий, я пройду снова до газетного зала — он дальше по Фонтанке, если так и идти по ней против течения. Он за Невским проспектом, в большом жёлтом доме — только по цвету жёлтом, сумасшедших в нём не держали. Заказав уже знакомые «Санкт-Петербургские ведомости» за 1777 год, я дочитаю для вас историю про одноногую английскую девицу. Зачем? А вам разве не интересно, чем всё кончилось? И мне кажется, так следует логически завершить сегодняшний разговор про Штрауса и Лермонтова на вокзале, про Джейн Вокс, вроде бы хозяйку Воксхола и заодно вроде бы вдову злодея Гая Фокса, чуть не взорвавшего британский парламент...

Я остановился на том месте, где молодой человек, влюблённый в пригожую, но одноногую девицу, получил от неё отказ. Он, помните, едет не мешкав в Париж, сыскивает там искусного лекаря, просит: отрежь мне ногу, всё равно какую! Продолжаю дальше не своими словами, а по печатному: «Лекарь подумал, что он сошёл с ума, и говорил, что у него нет инструментов на то, чтобы изувечивать человека без нужды. Он тщетно уверял лекаря, что он имеет великую нужду потерять ногу; и не могли упротить его, решился напоследок сам купить потребные для того инструменты; по том призвал к себе другого лекаря, которого приставя пистолет к груди, заставил страхом по желанию своему себя резать...»

Уж не вру ли я? Сам придумал анекдот, притянул его к «Запискам сумасшедшего»... Вы можете проверить: сия правдивая история напечатана, напоминаю, 4 июля 1777 года — в указанных «Ведомостях», чтение коих, по мнению Н.В. Гоголя, способствуют образованию. Ах да, он говорил о «Московских ведомостях»... Но разницы нет, хоть петербургские, хоть московские. Послушайте, чем кончается сообщение из Англии, напечатанное в указанной русской правительственной

газете: «Исправясь же после такой операции, он приделал себе деревянную ногу, и в сѣм новом состоянии явился к одноногой красавице, убедить её, что она не имеет более причины бояться его неверности, в одинаковом его с нею состоянии. Не известно, как приняла его красавица; но должно думать, что такое сильное доказательство любви было убедительно».

Кто-то из читающих не верит напечатанному, кто-то верит, большинство верит и не верит... Но, согласитесь, чем больше вымысла, и чем он цветастее, тем интереснее читать.

Литература

1. *Герстнер Ф.А. фон.* Второй отчёт об успехах железной дороги из Санктпетербурга в Царское Село и Павловск. М., 1836.
2. *Греч А.Н.* Весь Петербург в кармане. Изд. 2. СПб., 1851.
3. *Грот Я.К.* Труды. Т. 2. СПб., 1899.
4. *Семёнов А.В.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
5. *Татищев И.И.* Всеобщий французско-русский словарь. 3-е изд. Т. 2. М., 1841.
6. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1999.
7. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А. К. Шапошников. Т. 1. М.: Наука, Флинта, 2010.
8. *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. 1. СПб., 1803.
9. Thomas Allen. The History and Antiquities of the Parish of Lambeth. London, 1826.
10. Dictionnaire de la langue française, par E. Littré de l'Académie Française. Paris, 1874.
11. Dictionnaire français-russe, par W. Ertel. S-T. Pétersbourg / Французско-русский словарь, извлечѣнный из новейших источников, В. Эртелем. Санктпетербург, 1841.
12. Un Diplomate Français à la Cour de Catherine II, 1775–1780. Journal Intime du Chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie. Paris, 1901.
13. Esprit des Journaux, nationaux et étrangers. Т. 1. Bruxelles, 1817.
14. Institutions politiques. Par monsieur le baron de Bielfeld. Т. 1. La Haye, 1760.
15. The London Encyclopaedia. London, 1983.
16. *Mills A.D.* A dictionary of British Place Names. Oxford, 2011.
17. Oeuvres complètes de J.J. Rousseau. Т. 5. 1re partie. Paris, 1817.
18. Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 7, 2nde partie. 1817.
19. Survey of London: volume 26: Lambeth: Southern area. General Editor F. H. W. Sheppard. 1956.
20. The Vauxhall papers. Ed. by Alfred Bunn. London, 1841.
21. The Works of Joseph Addison. New York, 1837.